

**БРЕНДОН
САНДЕРСОН**

ДУША

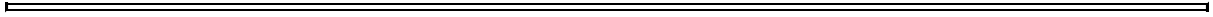
ИМПЕРАТОРА

Annotation

Шай — Воссоздатель. Иностранка, которая может создать полную копию любого предмета, восстановив при помощи своих магических умений его историю. Несмотря на то, что она приговорена к смерти за попытку выкрасть скипетр императора, ей предоставляется возможность спасти свою жизнь. И хотя таланты Шай отвратительны её тюремщикам, они доверяют ей создание новой души для их правителя. Повесть Душа императора лауреат премии Хьюго (Hugo Award) 2013 года и номинант Всемирной премии фэнтези (World Fantasy Award) 2013 года.

- [Брендон Сандерсон «Душа императора»](#)
- [Введение от автора](#)
- [Пролог](#)
- [День второй](#)
- [День третий](#)
- [День пятый](#)
- [День двенадцатый](#)
- [День семнадцатый](#)
- [День тридцатый](#)
- [День сорок второй](#)
- [День пятьдесят восьмой](#)
- [День пятьдесят девятый](#)
- [День семидесятый](#)
- [День семьдесят шестой](#)
- [День восемьдесят пятый](#)
- [День девяносто седьмой](#)
- [День девяносто восьмой](#)
- [Эпилог](#)
- [Постскриптум](#)
- [Благодарности](#)
- [***](#)
- [Другие переводы Booktran.ru](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)

○ [4](#)

Брендон Сандерсон «Душа императора»

Перевод с английского: SchwammKopf, Maryiv1205, Inferno89, Nasia, Lycoris, notabenoid.com, 2013–2014.

Вычитка и редакция: Rediens, SchwammKopf, Plevasik, Quilstin, Alesyasparrow, Theotormoon, Zhuzh.

Для booktran.ru, 2014.

Введение от автора

Я чрезвычайно горд этой новеллой.

Полагаю, на сегодняшний день это моё лучшее произведение в жанре рассказов и повестей, а также одна из лучших работ среди написанного мною.

Книга читается скорее как повесть, чем как большой рассказ, и в ней отражается всё то, что обычно содержится в моих многостраничных произведениях, — великолепный магический мир и сложные персонажи.

Так о чём же «Душа императора»?

Действие происходит в том же мире, что и роман «Город богов» из цикла «Элантрис», но немного в другом регионе. Книги практически не связаны.

Не обязательно читать сначала «Город богов», можно сразу браться за данную книгу. (С другой стороны, если вам знакомо содержание романа, то вы наверняка заметите некоторые забавные связи между магическими мирами.) «Душа императора» — история о девушке по имени Шай, воровке и Воссоздателе. Она умеет переделывать прошлое вещей, тем самым меняя их настоящее.

Мы встречаем её в тюрьме в ожидании казни. Однако вместо того, чтобы казнить, ей делают предложение... На императора было совершено покушение, во время которого его сильно ранили в голову, от чего он стал умственно недееспособным. Его приближённые скрыли это от всех и предложили Шай в обмен на её жизнь создать копию души императора, надеясь преподнести миру всё так, как будто нападения не было.

Я никогда не любил придумывать аннотации для своих книг. Мне больше нравится, когда они как отдельные произведения, вплетены в общий текст повествования. Поэтому на этом месте описание я заканчиваю, и лишь отмечу, что мне очень нравится данная история. Это, пожалуй, одно из моих лучших произведений.

Если вам понравились мои предыдущие работы, надеюсь, вы сможете полюбить и эту повесть.

Пролог

Гаотона осторожно, будто изучая, провёл пальцами по толстому холсту. Картина была просто великолепна, наверное, в числе лучших работ из того, что он когда-либо видел; утончённое произведение искусства. Но, увы, подделка.

— Как же она опасна... очень опасна, — прошепел кто-то за спиной. — А её ремесло — сплошное козунство и колдовство.

Гаотона слегка наклонил полотнище для лучшей видимости, чтобы падал свет очага, и прищурился.

Гаотона теперь стар, и его зрение уже не то, что было в молодости.

«Точность мазков, подбор красок, густота масла... Всё исполнено мастерски, — размышлял он, — как будто подлинник».

Никогда бы не подумал, что эта работа — фальшивка. Цветок слегка не там — едва заметно. А луна лишь на какую-то малость ниже, чем в оригинале. Лучшие мастера тщательно работали над картиной — целыми днями искали малейшие неточности.

— Она — одна из лучших среди всех ныне живущих Воссоздателей, — раздался голос арбитра, соратника Гаотоны. Арбитры — высшие и наиболее влиятельные чины империи. — У неё огромнейшая репутация и большая слава. Я считаю, что её нужно казнить другим в назидание.

— Нет, — возразила Фрава, верховный арбитр и предводитель. — Её таланты необходимо использовать. Для нашего спасения.

«Интересно, зачем она создаёт такие подделки? Какой талант, какой гений! Такое мастерство, — думал Гаотона, — должно творить, созидать, а не растрачивать себя на фальшивки, пускай и совершенные. Очень странно. Понять бы её мотивы».

— Да, именно так, — продолжала Фрава. — Она воровка и ведьма. Но я в состоянии уследить за ней. И с её помощью можно благополучно вылезти оттуда, куда мы все вместе с вами угодили.

Среди остальных пробежал тихий ропот, выражавший протест и

опасения.

Арбитры обсуждали девушку по имени Ван ШайЛу. И она не просто какой-то мошенник с улицы...

У неё был дар, дар менять материю самой реальности, саму её сущность. Что невольно приводило к другому вопросу. Зачем ей всё это: рисование, картины. С таким, можно сказать, неземным талантом, браться за кисть — просто скучно и бессмысленно.

Вопросы, вопросы... Гаотона обвёл присутствующих взглядом, сидя немного поодаль, у камина.

Арбитры заговорщически склонились над столом Фравы. Они были одеты в яркие длинные робы, которые сейчас, в свете огня, переливались.

— Фрава права, — сказал Гаотона.

Они резко обернулись в его сторону. Тяжёлые лица, хмурые... и явно недовольные его словами. Но то, как они стояли, это напряжение, полностью выдавало их.

Былой авторитет Гаотоны всё ещё ощущался.

— Приведите заключённую, — приказал он, поднимаясь. — Очень интересно послушать эту девушку. Кстати, я подозреваю, что держать её под контролем будет не так легко, как предполагает Фрава. Но выбора, у нас, собственно и нет. Либо она и её дар, либо с нашей властью над империей мы можем попрощаться.

Недовольный ропот прекратился. Никто уже, наверное, и не помнит, когда последний раз Фрава и Гаотона приходили хоть к какому-то согласию. А уж тем более по такому вопросу. Шутка ли — привлечь Воссоздателя в дела арбитров!

Один за другим трое остальных кивнули.

— Значит, так тому и быть, — тихо произнесла Фрава.

День второй

Шай надавила ногтем на один из каменных блоков в кладке стены тюремной камеры. Камень слегка поддался.

Она потёрла пыль на пальцах — известняк! Не самый лучший выбор при строительстве темницы. Стена, однако, не была сложена из него целиком, тот лишь проходил небольшой жилой в блоке другой породы.

Шай улыбнулась. Известняк. Эту маленькую жилку так легко не заметить. Значит, теперь, если, конечно, она права, ей удалось обнаружить и опознать все сорок четыре породы, используемые при строительстве каменной стены ямы-камеры, в которой её держали.

Она присела рядом с кроватью и стала выводить письма на деревянной ножке, используя вилку, предварительно отогнув в сторону все зубцы, кроме одного, — для письма. Жаль, нет очков: приходится постоянно щуриться.

Воссоздание требовало определённых условий — нужно было знать прошлое предмета, его сущность. Шай была почти готова.

Пламя свечи вдруг случайно выхватило соседние царапины: ими она отмечала дни в заключении. Настроение мгновенно испортилось.

«Время поджигает», — подумала Шай. По её подсчетам получалось, что публичная казнь — уже завтра!

Один день... Нервы натянуты, как струны. Один день, чтобы закончить печать души и сбежать. И камня души нет — приходится работать на какой-то деревяшке, и не чем-то, а обычной вилкой!

Строители камеры изрядно постарались. Стены сложены из разных пород, с многочисленными вкраплениями и жилами — изучить и воссоздать такое не под силу, наверное, даже Шай.

Мало того, камень специально доставляли из разных каменоломен, каждый со своим прошлым. Воссоздать всё это, опираясь лишь на те смешные знания, что у неё были, — гиблое дело. Но даже если вдруг ей каким-то чудом удастся произвести трансформацию стен, наверняка её могли поджидать ещё какие-нибудь ловушки, установленные строителями.

О, Ночи! Во что же она вляпалась?!

Всё подготовлено, все письма написаны. Она взглянула на свою согнутую вилку, отковыряла металлическое покрытие ручки и стала чертить на ней. Ручка теперь выступала не чем иным, как самой печатью души.

«Так не выбраться, — сказала она сама себе. — Нужно придумать что-то ещё».

Девушка уже пыталась найти другой выход, проведя шесть дней в поисках — кого бы подкупить, уговорить... может быть, даже подслушать что-нибудь о своей камере. Но, увы, пока ничего...

В этот момент её раздумья прервал скрип двери — кто-то вошёл в подземелье.

Шай мгновенно подскочила, спрятав вилку себе под пояс. Неужели день казни перенесли?

По подземелью раздавался гулкий шум чьих-то шагов. Шай прищурилась, пытаясь разглядеть через щель в люке, кто пришёл. Там стоял человек в сопровождении четырёх стражников. Тело его было слегка удлинённым — вытянутые пальцы и черты лица.

То был Великий — так называлась раса. Именно они, Великие, правили империей. На нём было сине-зелёное одеяние — признак низшего ранга. По всей видимости, выдержал экзамен на получение чина, но так и не продвинулся вверх по служебной лестнице.

Шай напряглась в ожидании.

Великий слегка наклонился и посмотрел на неё через отверстие в дверце камеры, выждал паузу и подозвал охрану.

— Арбитры желают говорить с тобой, Воссоздатель.

Дверь её каменной темницы отворилась — они спускают лестницу! Шай слегка отошла, чтобы освободить место.

Терзаемая сомнениями, она стала подниматься. *«Если бы я вдруг решила кого-то казнить раньше срока, — размышляла она, — я бы как-нибудь обманула несчастного, чтобы он сам вылез из ямы — без драки».* Возможно, так они и подумали, но в цепи не заковали, выводя из подземелья.

Шай осмотрелась, прикинув маршрут: вероятно, её

действительно ведут в покои к арбитрам. Ну что ж, это шанс! Она уже и не надеялась.

Попалась! Как же так получилось... Но уже ничего не изменишь. Обвели вокруг пальца, и не кто иной, а придворный шут. Воспользовался её доверием и обманул. Он оказался хитрее!

Шут стянул у неё подделку имперского Лунного Скипетра, подменил ею оригинал и был таков.

Её дядя Вон всегда учил — в жизни обязательно кто-то будет лучше, хитрее. Пускай ты самый-самый, но всё равно найдётся такой, кто тебя обставит.

«Помни это, — говорил он, — и гордыня никогда тобой не овладеет, не позволит расслабиться».

Шуту она проиграла. Значит, сейчас обязательно выиграет. Горечь заточения отброшена прочь — теперь надо брать быка за рога, во что бы то ни стало.

И ставка ныне — не золото, а жизнь!

Стражников (или, вернее, их народ) называли Бойцами. То есть так нарекли их Великие. Когда-то Бойцы именовали себя Мулла'дель, но эта нация так давно слилась с империей, что слово позабылось.

Они были высокие, крепкие, гибкие. Кожа — бледноватая, волосы — кудрявые, тёмного, как у Шай, цвета. Правда, у неё они ровные и прямые.

Девушка изо всех сил старалась казаться выше перед такими великанами. Сама Шай — выходец из народа МайПон, люди которого завидным ростом не отличались.

— Эй, ты! — крикнула она старшему среди Бойцов. — Я узнала тебя!

С такой чудной прической шлем, видимо, он носил нечасто. Бойцы были в большом почёте у Великих и быстро росли в чинах. Такое продвижение по государственной службе называлось «Возвышение». У этого прямо глаза сверкали! Броня искрилась, словно от мороза. Своё будущее он явно видел только светлым.

— Конь, — продолжала Шай. — Это ты перебросил меня через спину своего коня, когда меня поймали. Хорошее животное, высокое, гуришской породы белоснежного цвета. А ты большой знаток

лошадей...

Боец, не отрывая взгляда, тихо, но отчётливо прошептал:

— Какое удовольствие будет прикончить тебя, девка!

«Мило», — подумала Шай, когда они входили в Императорское Крыло дворца. Каменная кладка была изумительна — под стать древнему ламиойскому стилю, а высокие мраморные колонны инкрустированы барельефами.

Между колоннами располагались урны, исполненные в том же стиле; так когда-то делали глиняные и керамические изделия.

Шай вспомнила, что сейчас у власти находятся члены фракции «Наследие», а это значит... Что и император из «Наследия». В эту же фракцию входили пять арбитров, которые, на деле, и управляли империей. В особом почете у членов этой группы были древние культуры, изучение коих они очень уважали. Так, например, их увлечение переросло в то, что часть императорского крыла была исполнена в старинном стиле.

«На днищах тех «древних» урн, — подозревала Шай, — находятся печати души, именно они превращают невзрачную работу в совершеннейшую, великолепную копию».

Да, да — так и есть. Великие, конечно, называли ремесло Шай колдовством и поганью. Нюанс был в том, что запрещалось воссоздавать человека. Вполне разрешалось, даже поощрялось, делать копии предметов быта и искусства; подобная деятельность регулировалась. Переверни такую урну, сними печать со дна — и она превратится в обычную неукрашенную лепнину.

Бойцы повели её к инкрустированной золотом двери. Пока они открывали, снизу на внутреннем её обрамлении Шай успела разглядеть печать души — вот почему дверь выглядит как поделка из далёкого прошлого.

Стражники завели её в уютную комнату. А там — всё на манер охотничьего домика. *«Века эдак пятого, — подумала Шай, — треск тёплого очага, небольшие толстые ковры, деревянная мебель в каких-то пятнах...»*

Все арбитры — пятеро членов фракции «Наследие» — ожидали внутри. Трое из них — мужчина и две женщины — сидели у камина на стульях с длинными спинками. Ещё одна женщина занимала место

за столом прямо напротив дверей — Фрава, глава арбитров, важная фигура в империи, влиятельнейший человек после самого императора Ашравана.

В седеющей косе — красные и золотые ленты; роба тоже в золоте. Помимо всего прочего Фрава заведовала сокровищницей Его Величества императора — Императорской Галереей с соседними кабинетами. Шай давно уже мечтала обворовать Фраву.

Перед её столом стоял Гаотона, старший Великий. Судя по всему, они с ней как раз что-то горячо обсуждали. Когда Шай ввели, он сразу же вытянулся, заложил руки за спину, изображая раздумья. Гаотона среди них — самый старший, и, по слухам, давно утративший всякий авторитет. Говорят, от него отвернулся даже сам император.

С появлением Шай, оба замолчали и пристально взглянули на неё, будто она кошка, которая только что опрокинула дорогую вазу. Шай изо всех сил старалась не щуриться — очков-то нет, ей нужно казаться сильной, насколько это возможно.

Фрава взяла со стола какой-то лист бумаги.

— Ван ШайЛу, список предъявляемых тебе преступлений очень впечатляет...

«Ну и сказала же... В какую игру играет эта женщина? Она что-то от меня хочет, — решила Шай. — Это единственная причина так себя вести. Вот и представился удобный случай».

— Жульничали, выдавали себя за женщину благородного происхождения, — продолжала Фрава, — проникли в Императорскую Галерею с воровскими намерениями, перевоссоздали свою душу и, напоследок, намеревались похитить Скипетр. Ты что, действительно полагала, что эту немудрёную подделку символа всей нашей империи мы не отличим?

«И ведь не отличили, — подумала Шай, — если, конечно, Шуту удалось бежать с оригиналом!» Мысль о том, что сейчас в Галерее на месте Лунного Скипетра сияет, окруженная почётом, фальшивка, доставляла Шай превеликое удовольствие.

— И вот ещё, — Фрава щёлкнула пальцами, и один из Бойцов что-то притащил с другого конца комнаты. Полотно. Стражник положил его на стол. Шедевр, написанный мастером Хан ШуКсен, —

«Лилия в весеннем пруду».

— Узнаёшь? Это из твоей комнаты в таверне, там мы её и нашли. Подделка одной из самых знаменитых картин в империи. Оригинал находится в моей собственности. Наши мастера сразу распознали неопытную руку создателя. И неопытную — это ещё мягко сказано!

Шай встретила глазами с женщиной.

— Не расскажешь, зачем ты её сделала? — спросила Фрава. — Хотела подменить её и утащить оригинал прямо из моего кабинета в Галерею? Но тебе же нужен был Лунный Скипетр. Вопрос, зачем тебе картина, если ты и так планировали убежать со Скипетром? Что это? Жадность?

— Мой дядя Вон учил меня всегда иметь запасной план — на всякий случай, — сказала Шай. — А будет Скипетр в залах или нет, я не знала.

— Ах, вот как... — по-матерински сказала Фрава. Но в глазах было отвращение вперемишу с брезгливой снисходительностью. — Ты просила, чтобы в твоём деле участвовал арбитр. Преступники часто просят об этом... И мне почему-то захотелось откликнуться на эту просьбу. Интересно знать, зачем ты подделала картину. Неразумное дитя, неужели ты действительно надеялась, что тебя оправдают и отпустят? С такими-то грехами? Положение твоё настолько плохо, что ты даже не представляешь. Наше милосердие не так велико, но...

Шай мельком взглянула на остальных арбитров, тех, что сидели у камина. Казалось, что им нет до неё никакого дела. Однако друг с другом они не разговаривали.

«Значит, слушают. Что-то происходит, — думала Шай, — что-то их беспокоит».

Гаотона неподвижно стоял рядом, слегка в сторонке. Лицо не выдавало никаких эмоций.

Фрава смотрела на Шай как недовольный родитель на дитя. Она специально сделала такую многозначительную паузу, чтобы девушка поверила. Поверила в своё освобождение! По их задумке, она теперь должна стать податливой, мягкой — и согласится на всё — за свободу.

Значит, шанс действительно есть...

Всё, пора брать дело в свои руки.

— Так что вам от меня нужно? — поинтересовалась Шай. — Давайте обсудим, что вы хотите мне предложить.

— Что?! — воскликнула Фрава. — Девочка, ты забыла, тебя вообще-то завтра казнят. Если нам что-то от тебя и нужно, то предложить мы можем тебе только твою жизнь!

— Моя жизнь — это моя жизнь, — ответила Шай, — и так будет всё оставшееся мне время.

— Хватит! — перебила её Фрава. — Ты сидишь в клетке, сделанной специально для таких, как ты. В её стенах — тридцать разных пород.

— Сорок четыре на самом деле.

Гаотона в удивлении приподнял бровь.

«О, Ночи! Хоть в этом я не ошиблась!»

Шай взглянула на Гаотону.

— Вы что, думали, я песчаника не увижу? Ну, даёте! Я же Воссоздатель. Мы изучаем породы камней ещё на первом году обучения. Камушек, кстати, с карьера Лайо.

Фрава хотела было сказать что-то, приоткрыв рот в легкой улыбке.

— И да, я знаю, что позади камней есть ещё металлические пластины из ралькалеста, который воссозданию не поддаётся, — продолжала Шай вслепую. — Стена — это так себе задачка, потянуть время, пока Воссоздатель её решает. Понятно, что ваша клетка не из известняка и ему подобного материала, который отковырял и свободен, даже мучиться с воссозданием не надо. Стенки вы, конечно, сделали, но, чтобы уж наверняка, заблокировали выходы ралькалестом.

Фрава сжала губы.

— Правда... ралькалест тоже не идеален, — продолжила Шай, — металл слабый. Решётка наверху, конечно, крепкая — не выбраться, но пластины довольно хрупкие. Вы слышали что-нибудь об антраците?

Фрава нахмурилась.

— Это камень, который горит, — ответил Гаотона.

— А вы мне дали свечу, — произнесла Шай и нырнула рукой за пояс, за спину. Она швырнула на стол грубую деревяшку — печать души! — Я просто могла поработать со стеной, убедить камни, что они — антрациты. Не так уж это и трудно, зная, что пород в стене — сорок четыре. А горят антрациты хорошо, их жар растопил бы ваши пластины.

Шай резко метнулась на стул и села, откинувшись на спинку. Она слышала, как сзади тихо прорычал стражник. Фрава ещё сильнее сжала губы — в тончайшую линию и... промолчала.

Шай позволила себе расслабиться, глубоко вздохнула и тихо поблагодарила Неведомого Бога.

О, Ночи! Они верят её болтовне! Она очень боялась, что окажется среди них хоть кто-то мало-мальски разбирающийся в воссоздании, и её вранью тут же настал бы конец.

— Я хотела бежать этой ночью, — продолжила Шай, — подозреваю, что если вы обратились к такой еретичке, как я, то дело важное. Итак, ещё раз, что у вас есть мне предложить?

— Я всё ещё могу казнить тебя, — сказала Фрава. — Прямо сейчас. Здесь.

— Но вы ведь не сделаете этого, так ведь?

Фрава стиснула зубы.

— Я же говорил, что она тот ещё орешек, — обратился Гаотона к Фраве.

Шай уже заметила, что произвела на него впечатление. Но вот его глаза... В них будто было горе! Но горе ли? О, этого старика не так-то легко прочесть, он словно книга на языке свордиш.

Тем временем Фрава поманила кого-то пальцем. Появился слуга и вынес небольшую коробочку, замотанную в тряпку. Шай задержала дыхание.

Слуга отжал фиксаторы и открыл крышку. Внутренняя часть коробочки была обита тканью, а внутри — пять небольших выемок, туда можно класть печати души.

Печать представляла собой вытянутое каменное изделие

размером с большой палец. Сверху лежала маленькая книга в кожаном переплёте, вся затёртая из-за постоянного использования. От неё шёл слабый запах, такой родной для Шай...

Печати, лежавшие в коробке, не совсем простые. Знаки сущности! Сильнейшие среди всех печатей души.

Они работали непосредственно с личностью, могли на короткое время переписать характер человека, его биографию, его душу. Каждую печать требовалось индивидуально настраивать на конкретного человека. И все пять в коробке были настроены на Шай.

— Пять печатей — пять душ, — продолжала Фрава. — Это незаконное страшное колдовство. Вечером они должны быть уничтожены. Пускай ты бы убежала сегодня... но этих печатей уже никогда бы не увидела. Сколько требуется сделать, скажем, одну?

— Годы... — прошептала Шай.

Других копий у неё нет. Все необходимые заметки и рисунки хранить — пускай даже в тайниках — слишком опасно. Ведь любой желающий может покопаться в её душе и всё про неё узнать.

Шай всегда держала их при себе. И как только выпустила — отобрали!

— Вот это... мы тебе и предложим за работу, — Фрава произнесла с таким брезгливым выражением, будто перед ней поставили тарелку с какой-то гадкой слизью и гнилым мясом.

— Согласна.

Фрава кивнула. Слуга захлопнул коробочку.

— А теперь позволь мне показать, что от тебя требуется.

Раньше Шай и помыслить не могла о встрече с императором, не говоря уже о том, чтобы ткнуть в него пальцем.

Ашраван. Император Восьмидесяти Солнц, сорок девятый

правитель Империи Роз — на её тычок никак не отреагировал.

Его взгляд был устремлен в никуда, и хотя пухлые розовые щёки лучились здоровьем, выражение лица его оставалось совершенно безжизненным.

— Что с ним случилось? — спросила Шай, вставая с кровати императора. Кровать была выполнена в древнем ламиойском стиле с изголовьем в виде феникса, устремившегося к небу.

Девушка уже видела эскиз такого изголовья в одной из книг; вероятно, он и стал источником для воссоздания.

— Убийцы, — произнёс арбитр Гаотона. Он стоял по другую сторону кровати вместе с двумя лекарями.

Из Бойцов только капитану Зу было позволено войти.

— Они ворвались две ночи назад и напали на императора и его жену. Она была убита, а император получил арбалетный болт в голову.

— Знаете, — заметила Шай, — с учётом того, что стреляли в голову, он выглядит очень и очень неплохо.

— Ты знакома с запечатыванием? — спросил Гаотона.

— Не особо, — ответила Шай. Её народ называл это воссозданием плоти. С его помощью целитель с исключительными навыками мог воссоздать тело, удаляя раны и шрамы, но для этого были необходимы опыт и годы мастерства.

Воссоздатель должен был знать каждое сухожилие, каждую вену и мышцу для того, чтобы правильно исцелить.

Запечатывание было одной из немногих отраслей воссоздания, которую Шай изучила лишь поверхностно.

Сделаешь обычную подделку не так — ничего страшного, создашь произведение, не имеющее особой художественной ценности. Неправильно проведёшь воссоздание плоти — погибнет человек.

— Наши мастера по запечатыванию — лучшие в мире, — произнесла Фрава. Она прошла у изножья кровати, заложив руки за спину. — Как только всё закончилось, мы тут же вызвали врачей. Они, конечно, залечили рану на голове, но...

— Но не рассудок? — спросила Шай, проводя рукой перед его глазами. — Получается, не так уж хорошо они его и вылечили.

Один из докторов, маленький человечек с большими оттопыренными ушами, кашлянул. Они торчали, словно оконные ставни в погожий день.

— Запечатывание лечит тело, но не душу. Это всё равно, что красиво переплести истлевшую книгу. Да, она будет как новенькая, но вот слов... слов в ней уже не будет. Да, у императора сейчас здоровый мозг, но он — пуст!

— Да уж, — произнесла Шай. — Вы выяснили, кто подослал убийц?

Пять арбитров обменялись взглядами. Да, они знали.

— Мы не уверены, — сказал Гаотона.

— В смысле, — добавила Шай, — вы знаете, но у вас недостаточно доказательств для обвинения. Одна из дворцовых фракций, полагаю?

Гаотона вздохнул:

— Фракция «Триумф».

Шай тихонько присвистнула. В принципе, логично. Если император умрёт, то у фракции «Триумф» будут хорошие шансы посадить на трон своего преемника.

В свои сорок император Ашраван был всё ещё молод по меркам Великих. Предполагалось, что он будет править и следующие пятьдесят лет.

Если император сменится, то присутствующие в комнате пять арбитров утратят своё положение, что, согласно нерушимым правилам империи, станет существенным ударом по их статусу.

Одни из самых могущественных людей мира превратятся в слабейшую из восьмидесяти фракций империи.

— Убийцы уничтожены, — продолжала Фрава, — «Триумф» ещё в догадках, удалось ли покушение. От тебя требуется создать новую душу императора, — она вздохнула, — воссозданием.

«Они точно не в себе, — подумала Шай. — Даже собственную душу переделать — задача не из лёгких. И это при том, что

воссоздание в таком случае не с нуля».

Они даже не представляют, о чём просят. Хотя всё логично. Они же презируют воссоздание... по крайней мере, так говорят.

Получается, эти люди спокойно ходят по воссозданному полу, спокойно смотрят на вазы-подделки. Да что говорить, даже своим эскулапам разрешили залатать тело императора! Но они никогда не назовут это воссозданием.

Другое дело — воссоздание души, что, по их мнению, колдовство и чертовщина.

А значит, надежда у них теперь только на Шай. Во всём государстве не сыщется ни одного умельца, кто смог бы воссоздать душу. Не под силу это, скорее всего, и ей.

— Ты сможешь сделать это? — спросил Гаотона.

«Понятия не имею», — подумала Шай.

— Да, — промолвила она вслух.

— Воссоздание должно быть точным, — строго сказала Фрава.

— Если у наших врагов появится хоть малейшее подозрение, что с императором что-то не то... они не заставят себя ждать. Поэтому он должен вести себя естественно и логично.

— Если сказала — сделаю, — ответила Шай. — Но предупреждаю — это невероятно сложно. Мне нужно знать о нём всё, любые сведения из его жизни. Во-первых, официальные хроники, правда, они слишком сухи. Во-вторых, мне нужно будет хорошенько расспросить всех, кто общался с ним непосредственно: слуг, друзей, членов семьи. Он, случаем, личный дневник не вёл?

— Вёл, — ответил Гаотона.

— Прекрасно.

— Все эти документы запечатаны! — возразил один их арбитров. — Император велел их уничтожить...

Все резко обернулись на говорящего: он нервно сглотнул и потупил взгляд.

— У тебя будет всё, что попросишь, — сказала Фрава.

— Мне также нужен будет кто-то, — продолжила говорить

Шай, — на ком бы я могла проверять свои идеи по воссозданию. Это должен быть Великий, мужчина, который постоянно был рядом с императором и очень хорошо его знал. Так я смогу конкретнее определиться с его характером и проверить, всё ли правильно у меня получается.

О, Ночи! Определиться с характером — это вторично. Сначала нужно изготовить печать, что и так занимало... Это и будет первым шагом. Шай не была уверена, что справится даже с этим.

— И, конечно, мне понадобится камень души.

Фрава взглянула на Шай, скрестив руки на груди.

— Вы же не думаете, что я смогу всё это сделать без камня души, — сухо сказала Шай. — Нет, я, конечно, могу вырезать печать из дерева, но то, что вы просите, является исключительно трудной задачей. Камни душ. Много.

— Так и быть, — согласилась Фрава. — Но все три месяца за тобой будут следить. Пристально.

— Три месяца? — воскликнула Шай. — Думаю, на это уйдёт как минимум два года.

— У тебя есть сто дней, — ответила Фрава. — Хотя нет... Уже девяносто восемь.

Невозможно.

— Официально отсутствие императора эти два дня будет объясняться тем, что он в трауре после смерти жены, — добавила одна из присутствующих арбитров.

— Фракция «Триумф» подумает, что мы пытаемся выиграть время после кончины императора. Когда сто дней траура подойдут к концу, они потребуют, чтобы Ашраван показался перед подданными. И если он этого не сделает, то нам конец.

Как и тебе, говорил её тон.

— Мне понадобится золото, — сказала Шай. — Возьмите сумму, которую планировали заплатить, и удвойте её. Из этой страны я уеду богатой.

— Хорошо, — согласилась Фрава.

«Слишком просто, — подумала Шай. — Восхитительно. Они

собираются убить меня, когда дело будет сделано».

Отлично, у неё осталось девяносто восемь дней, чтобы выбраться отсюда.

— Принесите записи, — произнесла она вслух. — Ещё мне понадобится место для работы, куча материалов, и да, верните мои вещи.

Она подняла палец прежде, чем они успели возразить.

— Я не прошу свои знаки сущности, но верните всё остальное. Я не собираюсь три месяца ходить в той же одежде, которую носила в темнице. И пусть мне немедленно притащат ванну.

День третий

На следующий день в дверь Шай — помывшейся, наевшейся и впервые со дня своей поимки хорошо отдохнувшей — постучались. Они выделили ей комнату — крошечную, наверное, самую мрачную во всём дворце, с едва уловимым запахом плесени.

На ночь к Шай по-прежнему были приставлены стражники, и если она правильно помнила планировку огромного дворца, то находилась в наименее посещаемом крыле, которое в основном использовалось в качестве хранилища.

Всё же это было лучше, чем камера. Немного.

Стук оторвал Шай от изучения старого кедрового стола, который последний раз видел скатерть, наверное, ещё до её рождения.

Один из охранников открыл дверь, впуская престарелого Гаотону. В руках тот нёс шкатулку — две пяди ^[1] в длину и несколько дюймов ^[2] в высоту.

Шай бросилась навстречу под недобрый взглядом капитана Зу, который стоял рядом с арбитром.

— Держись подальше от его светлости, — рявкнул Зу.

— И что ты мне сделаешь? — спросила она, забирая шкатулку. — Прирежешь?

— Когда-нибудь я с превеликим удовольствием...

— Да-да, конечно, — сказала Шай, прошла к столу и открыла шкатулку. Внутри лежали восемнадцать печатей души. Верхние площадки печатей — гладкие, без всякой гравировки. Девушка просто не могла не взять одну из них; достала и принялась внимательно рассматривать на расстоянии вытянутой руки.

Ей вернули очки, так что теперь уже не было необходимости щуриться.

Одежду она тоже надела гораздо более удобную для работы, чем то потрёпанное платье. На ней была обычная красная юбка чуть ниже колена и блузка на пуговицах. Великие наверняка бы сказали, что она выглядит старомодно. Неудивительно, ведь сейчас у них в моде робы

и накидки древнего стиля.

Шай считала такой фасон скучотищей. Под блузкой она носила плотную хлопковую сорочку, а под юбкой были леггинсы. Трудно угадать, когда возникнет необходимость избавиться от верхней одежды — для маскировки.

— Хороший камень, — сказала Шай о печати. Она достала одно из своих зубил, кончик которого был толщиной с булавочную головку, и принялась скрести им булыжник. Качественный!

Он хорошо поддавался инструменту: резьба шла легко и точно. Камень души — мягкий, как мел, но при этом совсем не крошится, и изображение на нём отчётливое. Затем готовый рисунок печати обжигают на огне, после чего камень души становится твёрдый как кварц.

Печать можно было сделать лучше, вырезая её из самого кристалла, что было невероятно сложно.

Также ей дали и яркие красные чернила, добываемые из осьминогов. В полученную жидкость добавляли немного воска. По идее, в таком деле можно использовать любой натуральный краситель, однако красители животного происхождения подходили для дел восстановления гораздо лучше, чем растительного.

— Ты что, успела стащить урну из коридора? — нахмурившись, спросил Гаотона, заметив сосуд в углу комнатки.

Шай действительно прихватила урну на пути обратно, после ванны. Охранник было воспрепятствовал, но она заговорила ему зубы. Сейчас он стоял, сильно покраснев.

— Мне было очень интересно узнать уровень ваших Воссоздателей, — произнесла Шай. Она отложила инструменты и положила урну на бок. На глиняном дне отчётливо виднелся красный символ.

Знак воссоздающего легко заметить. Интересно, что печать не ставилась на поверхность материала, но была прямо внутри него, как оттиск, отчего получался рельефный рисунок из красных желобков. Края такого вдавленного клейма (тоже красные) слегка приподнимались над всем рисунком.

По стилю исполнения печати можно было многое понять о характере Воссоздателя. Конкретно этот мастер, судя по метке, был

лишен фантазии и не отличался большим своеобразием. В нём не было ни капли творчества, не в пример изысканной, виртуозно сделанной вазе, которую он копировал.

До Шай доходили слухи, что фракция «Наследие» поставила искусство на поток. Как на башмачной фабрике стояли ряды Воссоздателей-недоучек и мастерили произведения искусства.

— У нас не Воссоздатели, — ответил Гаотона. — Мы используем другое слово. Они Запечатыватели.

— То же самое.

— Да, но они не вторгаются в людские души, — очень серьёзно ответил Гаотона. — Ещё одно отличие: мы делаем копии, таким образом отдавая дань прошлому. Мы никого этим не собираемся дурачить, обманывать. Благодаря нашей деятельности люди чтут и понимают свою историю. Шай подняла бровь. Взяв в руки молот с зубилом, она поставила инструмент под углом, вдоль стенки углубления и нанесла удар.

Штамп поддался не сразу — сидел достаточно прочно, — но удар всё-таки выдавил его. Печать вылетела, а желобки исчезли. Сама же метка вдруг стала обычной краской и утратила свою преобразующую силу.

Урна тут же потеряла форму и цвет, став обычного серого цвета. Печать не просто меняла форму объекта, то, как он выглядел; но и полностью переписывала его историю. Без клейма урна превратилась в жалкое зрелище.

Мастера, делавшего её, совершенно не волновало, как она будет выглядеть. Скорей всего, он просто знал, что она, как болванка, пойдёт на воссоздание.

Шай покачала головой и вернулась к работе над неоконченной печатью души. Эта была не для императора (Шай даже близко не была готова к такому), просто резьба помогала ей думать.

Гаотона жестом приказал стражникам выйти, всем, кроме Зу, который остался при арбитре.

— А ты та ещё загадка, Воссоздатель, — произнёс Гаотона, когда двое стражников вышли, закрыв за собой дверь. Он расположился на одном из двух шатких деревянных стульев.

Стулья, наряду с тухлявой кроватью, древним столом и сундуком с вещами Шай, дополняли интерьер комнаты. Рама единственного окна была перекошена, впуская внутрь воздух, даже стены были все в трещинах.

— Загадка? — спросила Шай, поднимая печать и внимательно приглядываясь к своей работе. — И в чём же она?

— Ты — Воссоздатель. Значит, тебя нельзя оставлять без надзора, иначе ты сбежишь, как только убедишься, что это возможно.

— Так оставьте стражников со мной, — вымолвила Шай, продолжая заниматься резьбой.

— Ты, конечно, извини, — продолжал Гаотона, — но я сомневаюсь, что у тебя уйдёт много времени на то, чтобы запугать, подкупить или найти, чем их шантажировать.

Зу напрягся.

— Я не хотел оскорбить вас, капитан, — сказал Гаотона. — Я уверен в ваших людях, но перед нами искусная лгунья, мошенница и воровка. Ваши лучшие воины, в конечном счёте, станут марионетками в её руках.

— Спасибо, — поблагодарила Шай.

— Это вовсе не комплимент. Ты же портишь всё, к чему прикоснешься. Тебя нельзя оставить под присмотром простых смертных даже на день. Хотя, судя по слухам, ты можешь заговорить даже самих богов.

Она продолжала работать.

— И в кандалы тебя не заковать — выберешься, — мягко произнёс Гаотона. — Так уж получается, что мы дали тебе камень души для работы над нашей... проблемой. А с его помощью ты легко превратишь цепи в обычное мыло и сбежишь, посмеявшись над нашей глупостью.

Теперь понятно — он совершенно не смыслит в воссоздании. Конечный продукт воссоздания всегда должен быть правдоподобен — иначе трансформация не произойдёт. Оковы из мыла — это даже не смешно, кто станет делать такие?

Она же могла поступить несколько иначе. Например, попытаться понять происхождение цепей, их состав — а затем переписать либо

первое, либо второе. Могла изменить историю цепи: сделать одно звено с браком, а затем попытаться как-нибудь использовать его, чтобы выбраться.

Не нужно даже знать точное прошлое предмета, удрать всё равно бы получилось. Даже самая обычная печать в состоянии на короткое время трансформировать цепь. Останется только успеть разнести бракованное звено молотком.

Правда, они могли сделать цепь из ралькалеста, а он не поддаётся воссозданию, но и это только лишь отсрочило бы побег.

Время есть, камень души тоже, значит, путь к спасению найдётся. Например, она могла бы слегка трансформировать стену, добавив в её структуру какие-нибудь трещины, а затем просто вырвать цепь.

Можно было переделать потолок — расшатать в нём какой-нибудь блок, он бы рухнул и разбил бы хрупкие ралькалестовые цепи.

Правда, к таким крайним мерам она бы прибегла в случае только острой необходимости.

— Не вижу повода для беспокойства, — сказала Шай, продолжая трудиться, — работа мне эта очень интересна. К тому же, за неё было обещано золото. Поэтому убегать я не собираюсь. И не забывайте, я всегда могла бы сбежать из темницы.

— Ах, да, конечно, — изрёк Гаотона, — ты бы переделала стенки камеры и сбежала. Утоли моё любопытство, скажи, ты хоть когда-нибудь изучала антрацит? Ну, то есть камень, в который ты собиралась превратить стены. Насколько я помню, их не так-то легко поджечь.

А он хорошо соображает, и очень зря остальные не считаются с его мнением.

Поджечь антрацит свечой — невероятно трудно. В теории камень возгорался при определённой температуре, но вот на деле довести целый блок камня свечкой до температуры горения — очень и очень проблематично.

— Ну и что, я могла бы воссоздать необходимые условия, какую-то часть камней обернуть в уголь, разломала бы кровать — вот и дрова.

— И всё это — без печи? — удивлённо спросил Гаотона, — без мехов? Но это не важно. То есть ты бы находилась в камере с пылающими стенами? Да там температура была бы более двух тысяч градусов. Ты бы просто задохнулась внутри такой жаровни. Ах, ну да! Ты бы, конечно, взяла бы постельное белье и сделала из него какой-нибудь плохой тепло-проводник, скажем, стекло, да? Смастерила бы из него эдакий щит и выждала бы, когда всё закончится?

Шай сосредоточенно продолжала резать. Он сказал это так, будто...

Конечно, он прекрасно понимал, что ничего этого она бы не сделала. Большинство Великих совершенно не соображали в воссоздании, и он в том числе. Однако его знаний вполне хватило понять, что таким способом она бы не смогла ускользнуть. Как и не смогла бы превратить постельное тряпье в стекло.

Более того! Просто взять и обратить всю стену в камень какого-нибудь другого вида — задача архисложная.

Пришлось бы менять слишком много деталей. Например, переписывать историю камней так, словно неподалёку от каменоломен добывали и антрацит. И будто бы кто-то что-то перепутал и завёз по ошибке породу не с каменного рудника, а с антрацитового!

В таком деле — это слишком серьёзные изменения, практически невозможные. Особенно учитывая, что она совсем не знала никаких деталей о настоящих, реальных, каменоломнях.

Правдоподобность — вот что было ключевым условием при воссоздании, будь оно магическим или нет. В народе, конечно, ходили слухи, что Воссоздатели переделывают свинец в золото, однако реальность такова, что сделать из золота свинец гораздо проще.

Придумать историю для слитка золота, в который кто-то где-то подмешал свинец... Ну, это была бы правдоподобная ложь. Но обратное будет так невероятно, что печать для подобной трансформации долго не протянет.

— Вы впечатлили меня, ваша светлость, — наконец ответила Шай. — Рассуждаете прям как Воссоздатель.

Гаотона помрачнел.

— Это был комплимент, — заметила она.

— Я ценю правду, юная леди. Не подделки, — он одарил её взглядом разочарованного дедушки. — Я видел одну из твоих работ. Та поддельная картина, которую ты создала... она замечательна и, тем не менее, создана во имя выгоды. Какие чудесные работы ты могла бы сотворить, если бы посвятила себя стараниям и красоте, а не богатству и обману?

— То, что я делаю, — великое искусство.

— Нет. Ты копируешь великое искусство других. То, что делаешь ты, технически великолепно, но полностью лишено души.

Шай чуть не выпустила зубило, её руки напряглись. Как он посмел? Одно дело — угрожать её жизни, но оскорблять её искусство? Это ставило её в один ряд с теми... с теми Воссоздателями-недоучками, штампующими урну за урной.

Она с трудом успокоилась и выдавила улыбку. Тётушка Сол однажды сказала, что худшие оскорбления нужно встречать улыбкой и огрызаться на самые незначительные. Тогда ни один человек не догадается, что у тебя на сердце.

— Так как вы собираетесь держать меня под контролем? — спросила она. — Мы с вами выяснили, что я подлая мерзавка и не могу слоняться по коридорам дворца. В то же время вы не можете связать меня, как и не можете доверить мою охрану своим людям.

— Ну, — вымолвил Гаотона, — по возможности я буду лично следить за твоей работой.

Она бы предпочла Фраву — казалось, той легче манипулировать, но и это было приемлемо.

— Как пожелаете, — сказала Шай. — Но в большинстве своём моя работа будет скучной для того, кто не разбирается в воссоздании.

— Я здесь не для веселья, — ответил Гаотона. Он жестом подозвал капитана Зу. — Я всегда буду приходить в сопровождении капитана. Он единственный из Бойцов, осведомлённый о ране императора... и о наших планах в отношении тебя. Остальные охранники будут присматривать за тобой в течение дня. Только посмей заговорить с ними о своей работе. Я не допущу никаких

слухов о происходящем.

— Можете не волноваться, ни с кем разговаривать я не собираюсь, — честно сказала Шай — Чем больше народу знает о задуманном воссоздании, тем скорее оно не удастся.

«Более того, — подумала она, — стоит мне заговорить с любым охранником, как его тут же казнят — чтобы не разболтал лишнего».

Не то, чтобы она сильно любила Бойцов; просто империю она любила ещё меньше. А Бойцы, они те же рабы. Да и не очень хотелось, чтобы кого-то убивали просто так.

— Вот и отлично, — выговорил Гаотона. — Кстати, за дверью ждёт ещё одна небольшая гарантия того, что ты никуда не убежишь. Прошу Вас, капитан, заводите.

Зу открыл дверь. Среди охраны кто-то стоял — в плаще и с накинутым капюшоном. Он грациозно прошёл в комнату, однако в его движениях было что-то фальшивое, неестественное. Зу закрыл дверь, и незнакомец откинул капюшон. Глаза у него были красные, а кожа на лице — молочно-белая.

Шай зашипела:

— И вы ещё смеее утверждать, что моё ремесло — грязное колдовство?

Гаотона не обратил на восклицания Шай ни малейшего внимания. Он поднялся и поприветствовал вошедшего:

— Скажи ей.

Незнакомец провёл по двери длинными тонкими пальцами, изучая каждую деталь.

— Вот здесь я поставлю руну, — произнёс он с акцентом. — Стоит ей покинуть комнату или вдруг трансформировать дверь или руну — я мгновенно об этом узнаю. А мои «собачки» тут же начнут погоню.

Шай вздрогнула. Она взглянула на Гаотону пылающим взглядом:

— Это же Клеймящий Кровью! И вы привели его в свой дворец?

— Он себя хорошо проявил, и мы его очень ценим, — объяснил

Гаотона. — Он предан, надёжен и главное — эффективен. Понимаешь ли, порой приходится обращаться к злу, особенно если нужно сдержать ещё большее зло.

Девушка вновь тихо зашипела, когда Клеймящий достал что-то из-за пазухи. Печать души! Костяная и грубо выполненная. Значит, и его «собачки» — человеческие жизни — воссозданные из костей усопших!

Клеймящий взглянул на неё.

Шай в ужасе отступила.

— Вы не посмеете!

Зу схватил её за руки. О, Ночи, как он силен! Шай запаниковала. О, если б только у неё были знаки сущности, если бы только...! С их помощью она бы им устроила! Она бы высвободилась и бежала, бежала, бежала...

Зу сделал ей надрез вдоль руки. Шай едва почувствовала боль, но продолжала вырываться.

Клеймящий подошёл и своим страшным инструментом провёл по крови в ране, развернулся и приложил печать прямо в центр двери.

Метка в форме глаза слабо засветилась красным огоньком.

В этот же момент Шай ощутила резкую боль на месте пореза...

Она вскрикнула, широко раскрыв глаза. Никто и никогда не посмел бы сотворить с ней такое. Лучше бы её убили! Лучше бы убили...

«А ну возьми себя в руки, — приказала девушка самой себе. — Будь той, кто может всё это вынести...»

Она глубоко вздохнула. И стала другой Шай — сильной. Это называется «имитация» — грубое воссоздание, можно сказать — психологический трюк. Она пыталась представить, будто всегда была выдержанной и спокойной. И это помогло.

Шай всё-таки вырвалась из хватки Зу, а затем взяла платок, протянутый Гаотоней. Она бросила гневный взгляд на Клеймящего. Боль уже почти прошла.

Он улыбнулся. Губы его были бледно-белые, полупрозрачные, как кожица личинки. Кивнув Гаотоне, он набросил капюшон и вышел

из комнаты, закрывая за собой дверь.

Шай с трудом восстановила дыхание, успокаивая себя. В работе Клеймящих не было никакого изящества и тонкости. Всё это им чуждо. Ни умения, ни мастерства — только обман, только кровь!

Зато эффективно. Если Шай попытается бежать — он сразу узнает об этом. Ведь дверь запечатана кровью, а метка настроена на неё. Это означало, что его собачки-скелеты настигнут Шай где бы то ни было, попробуй она бежать.

Гаотона поудобнее устроился в кресле:

— Надеюсь, ты понимаешь, что с тобой будет, если ты вдруг решишься убежать?

Она со злостью посмотрела на него.

— Теперь видишь, насколько критическая наша ситуация, — мягко сказал он, сложив пальцы в замок. — Если попытаешься бежать, мы отдадим тебя Клеймящему. А твои кости станут его очередной собачкой. Кстати, это условие было его единственной просьбой за свою работу. Приступай к делу, Воссоздатель. Сделай всё хорошо и избежишь этой участи.

День пятый

Она работала.

Шай начала копаться в отчётах о жизни императора.

Мало кто понимал, что воссоздание требовало серьёзного штудирования и изучения материала. Любой желающий мог бы освоить это искусство; единственное, что требовалось, — твёрдая рука и внимание к деталям. А также готовность тратить недели, месяцы, даже годы для подготовки идеальной печати души.

У Шай было менее ста дней.

Она второпях читала под прессом времени: биографию за биографией без сна и отдыха, постоянно что-то выписывая. Она совсем не верила, что сможет выполнить своё задание.

Создать правдоподобно воссозданную душу другого человека, особенно за столь короткое время, было просто невозможно.

К сожалению, Шай приходилось изображать кипучую деятельность. Сама же она готовила побег.

Из комнаты её не выпускали.

Справлять естественную нужду приходилось в горшок. Иногда приносили бадью с тёплой водой — помыться, и сменную одежду.

Она всё время была под присмотром, даже принимая ванну.

Клеймящий Кровью приходил каждый день, чтобы обновить печать на двери. И каждый такой раз требовал крови Шай. Вскоре её руки покрылись мелкими порезами.

Всё это время заходил Гаотона.

Пожилой арбитр внимательно наблюдал за её чтением предосудительным взглядом, но без ненависти.

Шай постоянно думала о способах побега. Во время таких размышлений одно она поняла точно: чтобы бежать, ей придётся каким-то образом повлиять на него, попытаться им манипулировать.

День двенадцатый

Шай вдавила печать в столешницу.

Клеймо вошло в материал плавно, как и всегда. Оттиск от печати души осязаем, и не важно, на какой материал ставится. Девушка повернула штамп вполоборота. Любопытно, что краска совсем не размазывается, но почему — Шай не знала.

Как-то один из наставников объяснил ей, что печать не мажет потому, что там, в глубине материала, она соприкасается уже не просто с предметом, а с его душой.

Шай отвела штамп от поверхности стола: на нём остался ярко-красный след, как будто в этом месте, на дереве, резьба была всегда.

В тот же миг затёртый, безыскусный, неполированный кедровый стол вдруг превратился в изящный, ухоженный, с нанесённой на него патиной тёплого цвета, отражающей огонь стоявших перед ней свечей.

Шай провела пальцами по поверхности стола — мягкой и приятной на ощупь. Бортики и ножки покрылись искусной резьбой с вкраплениями серебра.

Гаотона, до этого читавший, выпрямился. Зу, увидевший воссоздание, беспокойно заёрзал.

— Это ещё что? — требовательно спросил Гаотона.

— У меня от него занозы, — ответила Шай, удобнее усаживаясь на стуле. Тот весь закрипел. *«Ну что ж, он следующий»*, — подумала девушка.

Гаотона подошёл к столу, потрогал его, будто не веря, что перед ним не иллюзия, а настоящая мебель. Реальная! Стол подобного изящества теперь совсем не вписывался в унылую обстановку комнаты.

— И ты на это потратила время?

— Мне так лучше думается.

— Ты делом занимайся! — воскликнул Гаотона. — Такое легкомыслие не лезет уже ни в какие рамки. Империя в опасности!

«О, нет, — подумала Шай. — *Не империя, а ваше правление в ней!*»

Прошло уже одиннадцать дней, а она всё никак не могла найти подход к Гаотоне. Ничего, за что можно было бы зацепиться.

— Я работаю над вашей проблемой, Гаотона, — сказала она. — И она, скажу вам, далеко не из лёгких.

— А столик заменить, напротив, легко и просто?

— Конечно! — парировала Шай. — Тут работы всего-ничего, пустяки: переписать историю стола так, будто бы за ним ухаживали и периодически обновляли.

Гаотона слегка замялся, а затем присел на колени, осматривая стол.

— Все эти резные узоры, инкрустация... изначально ничего такого не было.

— Я добавила немного деталей.

Признаться, Шай не знала, получилась ли трансформация полностью. Вполне вероятно, что через пару минут печать развеется, а стол опять станет прежним. И всё же она полагала, что угадала прошлое предмета достаточно неплохо. Когда-то Шай читала про разные дворцовые подарки: откуда, кому, куда...

«Конкретно этот стол, — думала она, — наверняка был подарком из далёкого Свордена предшественнику Ашравана. Отношения со Сворденом потом испортились, стол убрали и забыли».

— Я не узнаю его, — выговорил Гаотона, продолжая рассматривать предмет.

— И не должны.

— Я очень долго изучал древнее искусство, — ответил он. — Это какой период, династия Виварэ?

— Нет.

— Копия работ Шамрава?

— Нет.

— Тогда что это?

— Ничего, — раздражённо произнесла Шай. — Это совсем не копия. Всё тот же стол, просто лучше.

Подобное улучшение предмета считалось хорошим тоном в искусстве воссоздания, люди обычно хорошо принимали подделку, ведь она была как-никак лучше оригинала.

Гаотона поднялся со слегка озадаченным взглядом. *«Он, наверное, опять думает, что мой талант растрачивается понапрасну»*, — подумала Шай раздосадованно. Она отодвинула пачку бумаг — всевозможные записи об императоре и его жизни.

Их принесли по её просьбе. Всё, что записано со слов придворной челяди. Шай не могла обойтись только официальными летописями. Ей нужна была правда и реальность, а не сухие строчки из хроник.

Гаотона вернулся на стул.

— Честно говоря, не понимаю, как такая работа может считаться пустячной. Я, конечно, осознаю, что переделать стол в разы проще, чем сделать то, что мы у тебя попросили. Но всё же и то, и другое кажется мне непостижимым.

— Переделать душу человека — гораздо сложнее.

— Теоретически я, конечно, это понимаю. Но вот практически, в чём разница? Девушка посмотрела на него. Он хочет разузнать побольше о воссоздании. *«Так он сможет лучше понять, насколько хорошо я готова к побегу»*. Конечно, он прекрасно понимал, что Шай постарается выскользнуть. Теперь они оба притворяются, что ничего не знают о замыслах друг друга.

— Хорошо, — сказала Шай. Она встала и подошла к стене. — Поговорим о воссоздании. Стены той камеры, в которой вы меня держали, выложены из сорока четырёх разных пород. Всё это для того, чтобы занять меня на максимально возможное время. То есть, чтобы убежать, мне пришлось бы придумать прошлое каждому блоку. Зачем мне придумывать прошлое камней?

— Затем, чтобы провести воссоздание стены и сбежать. Это же понятно.

— Хорошо. Но зачем переписывать историю именно каждого блока? — спросила она. — Ведь можно заменить один блок или несколько. Сделать потом какой-нибудь туннель или проход и

удрать?

— Я... — он нахмурился. — Я не знаю.

Шай провела рукой по внешней стене комнаты. Покрашено... правда краска кое-где уже отходит. Отчётливо чувствовались отдельные блоки в стене.

— Все вещи пребывают в трёх плоскостях, Гаотона: в физической, ментальной и духовной. Физическая ипостась — это то, что мы видим и чувствуем; это сам предмет, тот, что перед нами. Ментальная — это то, как мы воспринимаем объект, что мы думаем о нём, и то, что он думает о себе. А духовная плоскость — это душа объекта, сама его сущность. Это то, как этот предмет связан с другими предметами и людьми его окружающими.

— Так, постой, — вымолвил Гаотона, — я не верю в эти языческие байки.

— Да, конечно, вы служите солнцу, — ответила Шай, с трудом подавляя насмешливость в голосе. — Ой, нет, восьмидесяти солнцам. И несмотря на то, что все они похожи друг на друга как две капли воды, вы продолжаете верить, что каждый день восходит новое... В любом случае, вы попросили рассказать о воссоздании и объяснить, почему так трудно сделать императору новую душу. Так вот, всё дело — в этих трёх плоскостях.

— Ну, хорошо. Продолжай.

— Итак. Если предмет существует как единое целое достаточно продолжительное время и таковым воспринимается окружающими тоже долгое время, то такой предмет всё сильнее и сильнее воспринимает сам себя как единое целое. Например, стол — он состоит из разных деревянных частей — но воспринимаем ли мы его как набор частей? Нет. Мы воспринимаем его как единое целое.

— Таким образом, чтобы воссоздать стол, мне нужно представить его целостным. Аналогично со стеной. Стена в моей камере существует уже давно, а потому ощущает себя тоже как единое. Я могла бы попытаться поработать с отдельными блоками — возможно, они всё ещё воспринимают себя отдельно от стены, но это очень трудно, стена бы не позволила. Ведь сама она действует уже как целое.

— Сама стена, — монотонно повторил Гаотона, — действует как

целое...

— Именно.

— Ты говоришь так, будто бы у стены есть душа.

— У всех вещей есть душа, — ответила Шай. — Каждый объект как-то воспринимает себя. Воля объекта, намерения, его связи, вот что важно. И именно поэтому, уважаемый господин арбитр, так сложно переписать душу вашего императора. Не получится просто поставить печать и гуляй дальше. В семи отчётах сказано, что любимый цвет императора — зелёный. Почему зелёный, не знаете?

— Нет, — произнёс Гаотона. — А ты?

— Я тоже пока не знаю, — ответила Шай. — Предполагаю, что данный цвет нравился брату Ашравана, он умер, когда императору было шесть. С тех пор император и обожает этот цвет, он напоминает ему о родственнике. А может быть, зелёный он любит из-за чувства привязанности к родине? Ведь он родился в Укурги, а в этой провинции как раз зелёный флаг.

Гаотона, казалось, растерялся.

— Неужели нужно всё знать вплоть до таких мелочей?

— О, Ночи! Ну конечно! И ещё тысячи и тысячи подобных деталей. Скорей всего, во многих таких вещах я допущу ошибку. Очень надеюсь, что какие-то из них не сильно повлияют на результат. Вероятно, у него будет слегка другой характер, но это нормально — люди меняются день ото дня. Но вот если мы ошибёмся в основных моментах — печать уже не подействует. Ненадолго, да, возможно, но не эффективно. Сомневаюсь, что удастся как-то скрыть необходимость штамповать императора каждые пятнадцать минут.

— Правильно предполагаешь.

Шай снова села и, вздохнув, стала просматривать отчёты.

— Ты сказала, что справишься, — проговорил Гаотона.

— Да.

— Ты уже проделывала это с собственной душой.

— Я знаю свою душу, — возразила Шай. — Знаю свою историю. Я знаю, что нужно изменить, чтобы добиться нужного эффекта. Даже собственные знаки сущности сотворить без ошибок было сложно.

Теперь же я не только делаю это для другого человека, но и сами преобразования должны быть куда более обширными. Да и выделили мне только девяносто дней.

Гаотона медленно кивнул.

— А теперь скажите мне, что вы делаете для поддержания иллюзии, будто император находится в добром здравии.

— Мы делаем всё необходимое.

— Что-то я в этом сомневаюсь. Согласитесь, в обмане я разбираюсь куда лучше многих.

— Думаю, ты удивишься, — сказал Гаотона. — Мы же политики, в конце концов.

— Ладно, ладно... Но вы же посылаете еду, верно?

— Конечно, — ответил Гаотона. — Блюда отсылаются в императорские покои три раза в день. На кухню же возвращаются уже пустые тарелки, хотя императора, конечно, тайно кормят отваром. С чужой помощью он всё выпивает, но взгляд его остаётся пустым, и сам он как глухонемой.

— А ночной горшок?

— Он не в состоянии следить за собой, — ответил Гаотона, поморщившись. — Мы одеваем ему подгузники.

— О, Ночи! Как же так! И никто для виду не выносит горшок? Это может выглядеть подозрительно, не находите? Тут же начнутся перетолки среди слуг и охранников. Такие вещи надо учитывать!

Гаотона покраснел — по крайней мере ему было стыдно.

— Я прослежу, чтобы теперь горшок выносили. Но, признаться, меня не прельщает, что кто-то ещё будет заходить в покои императора. Чем больше людей начнёт ходить туда-сюда, тем сильнее вероятность, что всё раскроется.

— Подберите кого-нибудь, кому доверяете, — посоветовала Шай. — А вообще, предлагаю поступить так. Нужно ввести правило, что войти к императору можно только имея при себе специальную пластинку с вашим личным знаком. Да, я уже слышу возражения, что эта часть дворца и так прекрасно охраняется. Знаю, изучала, когда готовила грабёж Галереи. Только вот... подосланные убийцы

убедительно показали, как хороша ваша охрана. Настоятельно предлагаю поступить так, как я советую; чем больше уровней охраны — тем лучше. Ибо если вдруг просочится в свет то, что случилось с императором, то сидеть мне снова в клетке... и ждать казни.

Гаотона вздохнул, но кивнул.

— Какие ещё будут предложения?

День семнадцатый

Прохладный ветерок сквозь трещины в окне принёс в комнату Шай запах незнакомых специй и низкий гул голосов. Город снаружи праздновал. Дельбахад — праздник, о котором два года назад никто и не догадывался.

Фракция «Наследие» продолжала возрождать из пучины забвения древние торжества, пытаясь таким образом вновь склонить общественное мнение в свою пользу.

Не поможет. Империя — это не республика, и единственные, у кого будет право голоса при помазании на царство нового императора, — арбитры из многочисленных фракций.

Шай отвлеклась от размышлений о праздниках и продолжила изучать дневник императора.

« Я наконец решил согласиться с требованиями своей фракции, — гласила книга. — Я предложу свою кандидатуру на пост императора, как и призывал Гаотона. Болезнь с каждым днём всё больше подрывает здоровье императора Йазада, и новый выбор будет сделан в ближайшее время».

Шай добавила пометку. Гаотона призывал Ашравана добиваться престола. А позже в дневнике Ашраван отзывался о Гаотоне с пренебрежением.

Что изменилось? Шай дописала, а затем обратилась к другой записи, сделанной годы спустя.

Личный дневник императора Ашравана её очаровал. Император вёл его от руки и оставил инструкции, согласно которым книгу должны были уничтожить после его смерти.

Этот дневник арбитры дали ей с большой неохотой. К тому же они должны были его сжечь! Но у них имелся железный аргумент: император ведь ещё не умер. Телом он вполне жив. А значит, записи можно и не уничтожать.

Они говорили с уверенностью, но Шай видела сомнения в их глазах. Арбитров было легко прочитать — всех, кроме Гаотона, чьи мысли продолжали ускользать от неё.

Они не понимали, для чего вёлся этот дневник. Зачем же ещё писать, если не для потомков, недоумевали они. Зачем доверять свои мысли бумаге, если не для того, чтобы их прочитали другие?

«То же самое, — подумала она, — что спрашивать Воссоздателя, почему она получает удовольствие от создания подделки и радуется мысли, что её работа — её, а не оригинального художника — демонстрируется другим, и никто об этом не догадывается».

Дневник рассказал ей об императоре намного больше, чем официальные хроники, и не только из-за своего содержания. Страницы были потёртыми и потемнели от постоянного листания. Да, Ашраван хотел, чтобы его книгу читали, но не потомки, а он сам. Какие же воспоминания Ашраван подбирал так тщательно, что готов был перечитывать дневник снова и снова? Был ли он тщеславным, наслаждаясь восторгом прошлых побед? Или, наоборот, неуверенным в себе? Может, он часами искал именно эти слова, потому что хотел оправдать свои ошибки? А может, была другая причина?

Дверь в комнату открыли. Они перестали стучаться. Да и зачем? Её уже лишили всякого подобия личной жизни. Шай всё ещё была пленницей, возросла только её значимость.

Величаво вошла арбитр Фрава в сопровождении капитана Зу. На ней была роба мягкого фиолетового цвета. Лицо — слегка вытянутое. На этот раз в поседевшую косу она вплела ленты золотого и фиолетового цветов. Шай неслышно вздохнула, поправила очки. Она уже готовилась провести всю ночь, штудирова документы и обдумывая предстоящую работу — Гаотона ведь ушёл праздновать вместе со всеми.

— Мне сообщили, — сказала Фрава, — что ты не слишком торопишься.

Шай отложила книгу.

— На самом деле подготовка заняла совсем немного времени. Я уже могу приступать к печатям. Сегодня я напоминала арбитру Гаотоне, что мне всё ещё нужен испытуемый, который хорошо знал императора. Связь между ними позволит опробовать штампы. Печати продержатся недолго, но этого будет достаточно, чтобы проверить мои предположения.

— Мы подберём такого человека, — отозвалась Фрава. Она

прошлась вдоль полированного стола Шай, проведя по его поверхности пальцами, задержалась перед красной печатью и слегка надавила на неё.

— Она бросается в глаза. Скажи мне, ты ведь вложила столько усилий, чтобы этот стол стал выглядеть лучше. Почему было не спрятать печать под низом?

— Потому, что я горжусь своей работой, — объяснила Шай. — Любой Воссоздатель, если представится ему такой шанс, сможет внимательно всё осмотреть и оценить мою работу.

Фрава фыркнула.

— Тут нечем гордиться, воровка. К тому же, раз ты подделываешь что-то, разве смысл не в том, чтобы никто об этом не догадался?

— Когда как, — ответила Шай. — Конечно, если подделываешь или незаконно копируешь какую-нибудь картину, то действительно лучше скрыть факт подделки. Но вот если занимаешься настоящим воссозданием, то утаивать это никак нельзя. Печать уже никуда не денешь, вот она! Всем своим видом говорит о проделанном. И этим можно гордиться.

Вот в чём состоит особенность жизни Шай. Воссоздание — не только печати душ, но в большей степени искусство подражать, попытаться воспроизвести и полностью скопировать так, чтобы не отличить что-то целостное, что угодно: литературное произведение, предмет изобразительного искусства, фамильные гербы... Так, у народа Шай любой Воссоздатель-подмастерье, который в тайне изучал это ремесло, начинал с освоения традиционного подделывания и лишь потом переходил к печатям душ.

А вот печати, вершину искусства Воссоздателей — по иронии, скрыть было очень тяжело. Штамп, конечно, можно спрятать подальше от глаз, что Шай и делала в определённых случаях. Но раз имеется возможность обнаружить клеймо, то и сама подделка — не идеальна.

— Оставьте нас, — приказала Фрава капитану Зу и остальным стражникам.

— Но... — попытался возразить Зу, делая шаг вперёд.

— Я не люблю повторять, капитан, — отрезала Фрава.

Он слегка заворчал, но всё-таки поклонился, а затем с яростью взглянул на Шай. Казалось, что одаривать её угрожающим взглядом стало его второй работой в последние дни. Но тем не менее, Зу вышел со своими охранниками и захлопнул дверь.

Обновленная с утра печать Клеймящего Кровью всё ещё была на двери. Он приходил каждое утро примерно в одно и то же время. Для этого Шай вела отдельные записи. В те дни, когда он задерживался, метка начинала светиться слабее, слегка затухать... как раз перед его приходом. Каждый раз он появлялся вовремя, чтобы её продлить, но вдруг однажды не успеет...

Фрава внимательно наблюдала за Шай, будто что-то просчитывая.

Шай не отвела взгляда, продолжая смотреть арбитру в глаза.

— Зу, наверное, думает, что я сделаю с вами что-нибудь ужасное в его отсутствие.

— Зу не отличается большим умом, — сказала Фрава, — хотя если нужно кого-то убить — он незаменим. Надеюсь, тебе не придётся испытать его мастерство на себе.

— Неужели вам совсем не страшно? Ведь вы остались наедине с ужасным монстром.

— Не с монстром, а авантюристом, — ответила Фрава, подойдя к двери и осматривая светящуюся на ней печать. — Ты не причинишь мне никакого вреда. Напротив, тебе наверняка должно быть интересно, почему я попросила стражу выйти.

«На самом деле, — подумала про себя Шай, — я совершенно точно знаю, зачем ты выставила их за дверь. Равно как и то, зачем ты пришла сюда именно в этот час, когда все остальные арбитры на празднике и точно не смогут застать нас тут». Предложение! Она пришла сюда сделать предложение, и Шай его уже ожидала.

— Ты когда-нибудь задумывалась, — начала Фрава, — какую бы пользу принесло империи, если бы император всегда прислушивался к гласу мудрости, который бы... иногда советовал ему...

— Я уверена, что император Ашраван всегда прислушивался к мудрым советам.

— Иногда, — согласилась Фрава. — Но временами он просто

невыносим. Разве не было бы замечательно, если после своего перерождения император лишится этой склонности?

— Я думала, вы хотели, чтобы он поступал в точности как прежде, — ответила Шай, — как можно ближе к оригиналу.

— Всё верно. Но будучи известна как одна из величайших Воссоздателей в истории, я знаю, что ты особенно преуспела в создании печати собственной души. Конечно, тебе по силам воссоздать душу нашего бесценного Ашравана в точности, в то же время, сделав его склонным прислушиваться к голосу разума... особенно голосу разума определённых лиц.

«О, пылающие Ночи, — подумала Шай. — И вы так просто говорите об этом? Вы хотите, чтобы я сделала чёрный ход в душу императора, и у вас хватает стыда говорить об этом так прямо?»

— Возможно, я... смогла бы сделать такое, — сказала Шай, будто обдумывая подобную возможность впервые. — Будет сложно. Вам придётся соответственно вознаградить мои усилия.

— Тебя отблагодарят, — произнесла Фрава. — Я понимаю, вероятно, в твоих планах сразу после освобождения покинуть империю, но зачем? Этот город может открыть перед тобой большие возможности, особенно если правитель будет благосклонен.

— Давайте откровенно, арбитр, — заявила Шай. — У меня впереди долгая ночь работы, пока вы все будете праздновать. Я сейчас не настроена упражняться в словесности.

— В городе процветает подпольная торговля контрабандой, — сказала Фрава в ответ. — Приглядывать за ней — моё хобби. Не будет лишним, если кто-то возьмётся контролировать это дело. И я отдам его тебе, если выполнишь мою задачу.

Все они совершали одну и ту же ошибку, полагая, что знают, почему Шай занимается своим ремеслом. Считая, что она уцепится за такой шанс, что контрабандист и Воссоздатель — одно и то же, ведь оба нарушают чужие законы.

— Интересное предложение, — вымолвила Шай, пуская в ход свою самую искреннюю улыбку из тех, что граничат с откровенной ложью.

Фрава широко улыбнулась в ответ.

— Оставляю тебя подумать, — сказала она, открывая дверь и хлопнув в ладоши, давая стражникам знак войти.

Шай опустилась в кресло, шокированная. Не из-за предложения — который день она ожидала нечто подобное, а из-за того, что только сейчас поняла стоящие за этим обстоятельства. Предложение о контрабанде, разумеется, было ложью.

Возможно Фрава смогла бы повернуть такое, но не станет. Даже если она уже не планировала убить Шай, то за этим предложением явно крылось нечто подобное.

Всё намного сложнее. Намного. Она думает, будто поместила в мою голову идею об управлении императором, и не сможет положиться на моё воссоздание, ведь будет ждать, что я построю свою лазейку, которая даст мне, а не ей, полный контроль над Ашраваном.

Из этого можно было заключить, что у Фравы есть наготове ещё один Воссоздатель. У него, возможно, не было таланта или смелости, чтобы попытаться воссоздать чужую душу самому, но он, определённо, мог тщательно изучить записи Шай и найти любые сделанные той лазейки. Этот Воссоздатель пользовался большим доверием и мог переписать её работу таким образом, чтобы контроль осуществляла Фрава. Они даже могли закончить работу Шай, если та достаточно продвинется в своём деле.

А ведь она намеревалась использовать все сто дней, чтобы спланировать побег, но теперь ясно — неожиданное покушение на неё может произойти в любой момент. И чем ближе к завершению проекта, тем большей становилась вероятность.

День тридцатый

— Что-то новенькое, — произнёс Гаотона, осматривая витраж.

Это была особенно вдохновенная работа Шай. Попытки воссоздать окно в лучшем облики проваливались одна за другой, и каждый раз, почти через пять минут, оно вновь превращалось в разбитое, со щелями по краям.

Тогда Шай нашла кусочек цветного стекла, одной стороной застрявший в раме, и поняла, что это окно когда-то было витражом, как многие другие во дворце. Его разбили, стёкла рассыпались, а рама погнулась, из-за чего появились щели, пропускающие холодный ветер.

Менять окно, как и следовало, никто не стал. Просто установили обычное стекло, так и оставив раму — всю в трещинах. Шай восстановила окно, приложив печать к правому нижнему углу, и теперь его прошлое было несколько другое: будто кто-то хозяйственный вовремя обнаружил проблему и занялся ею. После такой истории печать сразу же схватилась. Теперь, даже несмотря на столь долгий срок, окно снова воспринимало себя красивым.

А может быть, она просто замечталась.

— Вы мне сказали, что приведёте сегодня испытуемого для проверки моей работы, — сказала Шай, сдувая пыль с новенькой печати, которую только что вырезала.

С обратной стороны — неотгравированной — она нанесла несколько резных линий — завершающие штрихи, которые всегда делались по окончании работы. Они говорили о том, что печать готова, и резьбы больше не будет. Шай любила делать их в виде географических очертаний своей родины, МайПон.

Штамп готов, штрихи сделаны, и Шай держала его над пламенем свечи. Такова была особенность камня души: он твердел при нагревании, отчего переставал крошиться. Хотя в этом случае нагревать камень уже было не нужно: последние штрихи и без того завершили дело. В принципе, Шай могла работать с чем угодно, лишь бы резьба шла четко, просто камень души ценили как раз за способность твердеть в огне.

Свеча коптила, и Шай покрывала печать сажей с обеих сторон. Когда все было готово, она сильно подула. Сажа слетела, и под ней остался красивый мрамор, отливающий красно-серым оттенком.

— Я привел, как и обещал, — Гаотона подошел к двери, где стоял капитан Зу.

Шай откинулась на стуле, который недавно, как и хотела, переделала в удобный. Она решила поспорить сама с собой, кем же будет этот испытуемый. Кто-нибудь из охраны? А может из мелких прислужников, например, личный писарь Ашравана? Кого же арбитры заставят, во имя великой идеи, терпеть страшные страдания от еретического ремесла Шай?

Гаотона сел на стуле рядом с дверью.

— Ну? — спросила Шай.

Он развел руками:

— Начинай.

Шай резко выпрямилась:

— Вы?!

— Я.

— Вы же арбитр! Один из самых влиятельных людей в империи!

— Да? А я как-то и не заметил. В любом случае, моя кандидатура полностью подходит под все параметры: мужчина, родился там же, где Ашраван, и хорошо его знающий.

— Но ведь... — Шай запнулась на полуслове.

Гаотона слегка наклонился и скрестил руки:

— Мы долго это обсуждали, рассматривали разные варианты. Но, в конце концов, решили, что не имеем никакого морального права подвергать такому богохульству наших подданных. Оставался один путь: пойти должен кто-то из нас.

Шай слегка встрепелась, стараясь прийти в себя. Фрава легко могла приказать любому пойти на это! Да любой из них мог. *«Наверняка, Гаотона, ты сам настоял на этом.»*

Они считали его конкурентом, так что их вполне устраивало такое решение: Гаотона падет от страшного колдовства Шай. Она и

не думала причинять кому-то вред, но разве в этом можно убедить Великого? Как ни странно, но ей не хотелось, чтобы Гаотона сильно переживал. Она поставила стул поближе к нему и открыла небольшую коробочку, в которой лежали печати, вырезанные за последние три недели.

— Эти штампы не схватятся, — сказала Шай, держа в руках один из них. — «Схватывание» — специальный термин, который означает, что изменения, проделанные печатью, крайне неправдоподобны, а потому, долго не продержатся. Думаю эффект продлится не более минуты, при условии, что я всё сделала правильно.

Гаотона задумался, затем кивнул.

— Душа человека — не душа какой-нибудь вещи, — продолжала она. — Человек постоянно развивается, меняется; он не статичен. Поэтому печать на человеке обладает особенностью очень быстро терять свой эффект, в отличие от тех, что наложены на обычные вещи. Даже самая виртуозная пропадает уже через день. Мои знаки сущности — пример... двадцать шесть часов, и они улетучатся.

— А как же император?

— Если всё получится, — ответила Шай, — печать нужно будет ставить каждое утро, точно также, как это делает Клеймящий с дверью. Но я хочу добавить в штамп возможность оставлять небольшой след, и каждый раз император сможет запоминать, что с ним было, когда он находился под действием печати, то есть каждое утро просыпаться не с чистого листа. Однако, как тело не может без сна, так и клеймо не может без обновления: кто-то должен будет возобновлять его действие. Это легко, если печать сделана хорошо, Ашраван сможет выполнять процедуру самостоятельно.

Она дала Гаотоне внимательно изучить штамп.

— Каждая из печатей, которые мы сегодня проверим, — продолжала Шай, — очень незначительно меняет что-то из твоего прошлого, какие-то черты характера. Так как ты не Ашраван, эти изменения не схватятся. Но в чем-то вы с ним схожи, а значит, печати смогут хотя бы ненадолго задержаться. Опять-таки, если всё сделано правильно.

— Ты имеешь в виду это... шаблон души императора? — спросил Гаотона, глядя поверх штампа.

— Нет. Просто небольшая частица... К тому же, нет уверенности, что готовые-то печати в итоге заработают. Насколько мне известно, ранее такого никто и никогда не делал. Правда есть сведения об использовании воссоздания душ в каких-то совсем страшных целях. Но раз смогли они, то смогу и я. Если эти печати сейчас продержатся на вас хотя бы минутку, то на императоре будут держаться намного дольше. Так как все они настроены конкретно на него и его прошлое.

— Небольшая часть его души... — пробормотал про себя Гаотона, отдавая Шай печать. — Я правильно понимаю, что эти штампы ты не будешь использовать в итоге? Они только для сегодняшней проверки?

— Да. Однако те элементы, которые заработают сейчас, войдут в конечное изделие. Представьте, будто каждая печать — буква, из которых позже я сложу связную историю личности человека. К сожалению, даже если за дело берётся Воссоздатель, возникнут некоторые расхождения с прошлой личностью. Поэтому советую вам распространять слухи о ранении императора: сильный удар по голове вполне может объяснить такие различия.

— Уже ходят слухи о его смерти, — произнёс Гаотона, — они распространяются «Триумфом».

— Ну так скажите вместо этого, что он был ранен.

— Но...

Шай подняла печать.

— Даже если я совершу невозможное — а это, напоминаю, бывает в очень редких случаях, память Воссозданного не будет восстановлена полностью. Она может содержать лишь то, что я смогла прочесть или о чем догадалась. У Ашравана могли быть частные беседы, о которых Воссоздатель не в силах разузнать. Я могу наделить его всеми необходимыми качествами — это у меня получается особенно хорошо, но личность все равно будет подделкой: рано или поздно провалы в его памяти обнаружат. Распространяйте слухи, Гаотона, они очень пригодятся.

Кивнув, он закатал рукав и подставил руку. Она подняла печать Гаотона вздохнул, прищурил глаза, и кивнул еще раз.

Шай вдавила штамп, и, как всегда, имея дело с кожей, ей

показалось, что она продавливает нечто твердое, словно его рука была каменной.

Печать слегка увязла. При использовании на человеке у того возникают странные ощущения. Шай повернула штамп и вытащила его, оставив красный след на коже Гаотона, после чего достала карманные часы и продолжила наблюдать за пульсирующей рукой.

Как и всегда, когда клеймо ставили на живое, метка выпустила струйки красного дыма. Душа сопротивлялась изменениям, однако след не исчез. Шай выдохнула. Это добрый знак.

Интересно... Если поставить такую печать на императора, как поведёт себя его душа? Станет ли отторгать? А может, наоборот, обрадуется привнесённым Шай изменениям потому, что они излечат её раны. Почти как то окно, которое хотело вернуть былую красоту.

Гаотона открыл глаза.

— Это... работает?

— Подействует через некоторое время, — ответила Шай.

— Я не чувствую никакой разницы.

— Всё правильно. Также и император: если он будет ощущать печать, то заметит неладное. А теперь давайте так: отвечайте быстро и не задумываясь, первое, что придет в голову. Ваш любимый цвет?

— Зеленый, — тут же ответил он.

— Почему?

— Потому что... — он задумался, склонив голову набок, — просто потому, что он мне нравится.

— А как насчет твоего брата?

— Я его почти не помню, — ответил Гаотона. — Он умер, когда я был еще совсем маленький.

— Это хорошо, — бросила Шай, — император из него получился бы никудышный. Если бы его выбрали...

Гаотона поднялся.

— Даже не смей, слышишь, не смей говорить о нем так! Да я тебя... — он напрягся, глядя на Зу, который взволнованно потянулся за мечом. — Я... Брат?

Печать рассеялась.

— Минута и пять секунд, — сказала Шай. — Неплохо.

Гаотона прикоснулся ко лбу.

— Мне кажется, я помню своего брата. Но... у меня его нет, и всё же я помню как боготворил его, и боль, что испытал, когда он умер. Как же больно...

— Сейчас пройдет. Все ощущения уйдут, как после плохого сна, а через час вы уже ничего из этого и не вспомните.

Она сделала у себя какие-то пометки.

— Кажется, вы слишком резко отреагировали на мои оскорбления в отношении брата. Да, Ашраван, можно сказать, боготворил его, но свои чувства никогда не выказывал, храня их где-то очень глубоко. Возможно, из-за того, что чувствовал, будто он мог стать хорошим императором, лучше, чем сам Ашраван.

— Ты уверена?

— Конкретно в этом? Думаю, да. Данную печать я слегка подправлю, но в целом, она удалась.

Гаотона сел на место, сверля её своими старыми глазами, будто хотел пробраться в самое сердце её души.

— Ты очень хорошо разбираешься в людях.

— Этому учат задолго до того, как допускают к камням души.

— Такой потенциал... — прошептал Гаотона.

Шай охватило раздражение от этих слов. Как он смеет судить её и упрекать в напрасной трате жизни? Воссоздание — её страсть; жизнь Шай зависела от ума, смекалки и умений. Разве не так?

Она подумала об одном, очень особенном знаке сущности, который сейчас заперт со всеми остальными. Он был для неё самым дорогим, из всех пяти, несмотря на то, что ни разу не использовался.

— Давайте проверим следующую, — Шай предпочла проигнорировать пристальный взгляд Гаотоны. Ей нельзя таить обиду. Тетушка Сол всегда говорила, что самая большая опасность в жизни — гордыня.

— Очень хорошо. Но я немного запутался. У меня уже

сложилась некая картина о воссоздании из твоих рассказов, но я не понимаю, почему тогда эти печати вообще на мне работают. Ты же говорила, что нужно знать прошлое вещи в деталях, иначе ничего не получится?

— Да, если хочу, чтобы печати действовали долго. Как я уже говорила, всё дело в правдоподобности.

— Но это совершенно неправдоподобно! У меня нет брата.

— Ах, позвольте мне объяснить, — сказала Шай, удобнее усаживаясь на стуле. — Я переписала вашу душу, пытаюсь сделать её подобной императорской. Точно так же, как переписала душу окна, поставив в него новые витражи. В обоих случаях испытуемый осознает изменение, которое я привношу. Например, оконная рама имеет общее представление о том, что такое витраж, ведь когда-то он в ней был. И несмотря на серьезные повреждения в прошлом, печать всё равно схватилась, так как общая концепция витража сохранена, и окно об этом знает. Мне лишь оставалось воплотить это знание в реальность.

— Вы же провели очень много времени с императором. Ваша душа знает его душу, так же, как и оконная рама знает о витраже. Вот почему я должна проверять печати на таком человеке, как вы, а не на себе. Я ставлю штамп, и ваша душа получает порцию чего-то такого, о чем она уже должна знать... Чтобы всё получилось, эта частичка должна быть небольшой и соотносимой с душой Ашравана, дабы ваша душа приняла его. Только в этом случае печать схватится, и то лишь ненадолго, прежде чем будет отторгнута.

Гаотона смотрел на неё с изумлением.

— Вы, наверное, думаете, что всё сказанное мной ерунда и предрассудки? — спросила Шай.

— Просто... очень загадочно, — Гаотона развел руками. — Окно имеет представление о витражах? Душа имеет представление о другой душе?

— Такие вещи существуют за гранью нашего понимания, — Шай взяла следующую печать. — Мы что-то думаем об окнах, мы что-то знаем о них... в духовном смысле. Поэтому окно обретает свое значение, какую-то идею, и даже в некотором роде жизнь. Хотите верьте в это, хотите — нет. Да и не важно, главное, что печати на вас работают хотя бы минуту, а это значит, что я на верном пути.

— В идеале, я хотела бы опробовать их на самом императоре. Но, увы, в своем нынешнем состоянии он не сможет нормально отвечать на вопросы. Нужно, чтобы печати не просто схватились, но и работали все вместе. Поэтому мне необходимо знать ваши ощущения — это поможет делать печати более точно. А теперь, давайте руку — проверим следующую.

— Хорошо, — Гаотона приготовился. Шай поставила ему новый штамп и закрепила вполоборота, но... стоило ей только убрать печать, как она тут же исчезла, полыхнув красным.

— Всполох, — прокомментировала Шай.

— Что это было? — он провел пальцами по руке, где была метка, размазав краску. Печать так быстро исчезла, что чернила не успели даже как следует перейти в оттиск. — Что на этот раз ты со мной сотворила?

— Похоже, что ничего, — ответила Шай, внимательно рассматривая поверхность печати, выискивая недостатки. — С этой я ошиблась, причем очень серьезно.

— А о чем была печать?

— Про то, что подвигло Ашравана стать императором. О, разрази ночи огнем! А ведь в ней я не сомневалась!

Шай покачала головой, отложив штамп в сторону.

— Ашраван стал императором не потому, что где-то в глубине души хотел доказать своей семье, что действительно может им стать. И даже не ради того, чтобы наконец выйти из тени своего брата.

— Я могу сказать тебе, почему он это сделал, Воссоздатель, — промолвил Гаотона.

Она изучающе смотрела на него. Видимо, именно Гаотона поспособствовал восхождению Ашравана на престол. В конечном счете император возненавидел арбитра за это.

— Хорошо, — сказала она. — Почему?

— Он многое хотел изменить. В империи.

— В дневнике об этом ничего не сказано...

— Он был очень скромным человеком.

Шай в удивлении подняла бровь. Это шло в разрез с теми записями, что у неё имелись.

— Нет, конечно, он был темпераментным, невыносимо упрямым в спорах, и если придерживался какой-либо точки зрения, то стоял до конца. Но вот сам по себе, где-то в глубине души, он был весьма скромным человеком. Это очень важная деталь его характера, постарайся её не забыть.

— Вот как, — выговорила она. *«Наверняка, Гаотона, ты в чем-то повлиял на его характер, — подумала она про себя. — И этот взгляд, каким ты разочарованно смотришь на людей, так и говорит, что мы должны быть лучше, чем мы есть».*

Видимо, Шай не одна чувствовала осуждение Гаотона. Он как разочарованный дед, недовольный своими внуками.

Такое положение вещей надоумило её отказаться от него как от подопытного. Только... ведь он сам, продолжая считать ремесло Шай ужасным, предложил ставить на себе эксперименты, желая быть наказанным, а не отправить вместо себя кого-то ещё.

«На самом ли деле ты искренен, старик?» — думала Шай, в то время как Гаотона откинулся на стуле; его взгляд становился отрешённым, когда он думал об императоре. Она заметила недовольство.

В её деле многие смеялись над честными людьми, считая их лёгкой добычей. Они ошибались. Честность вовсе не означает наивность. Бесчестного дурака и честного дурака одинаково легко обмануть; к каждому есть свой подход. Тем не менее, честного и умного человека всегда, всегда сложнее обмануть, чем того, кто умён и бесчестен одновременно. А искренность... Её сложно подделать по определению.

— Какие мысли кроются за твоими глазами? — спросил Гаотона, подавшись к ней вперёд.

— Я думала о том, что вы, должно быть, относились к императору так же, как ко мне сейчас, надоедая ему бесконечным ворчанием по поводу того, что он должен совершить.

Гаотона фыркнул.

— Кажется, именно этим я и занимался, но это не значит, что мои взгляды были неверными. Просто он мог... мог стать кем-то

большим, чем был. Так же как и ты могла бы стать прекрасным художником.

— Я и есть прекрасный художник.

— Настоящим.

— Так и есть.

Гаотона покачал головой.

— Картина Фравы... кое-что мы упускаем из виду, не так ли? Фрава приказала проверить подделку, и эксперты обнаружили несколько незначительных ошибок. Сам я их увидеть не смог, но они там есть. Поразмыслив, я счёл их странными. Мазки выполнены безупречно, я бы даже сказал, мастерски. Манера письма полностью совпадает. Если ты справилась с этим, зачем тогда нужно было так ошибаться, например, располагать луну слишком низко? Такую ошибку сложно заметить, но мне кажется, ты бы никогда не допустила чего-то подобного, по крайней мере, не специально.

Шай потянулась за следующей печатью.

— Полотно, которое они посчитали оригиналом, — продолжал Гаотона, — то, которое висит в кабинете Фравы прямо сейчас... тоже подделка, я прав?

— Да, — вздохнула Шай. — Я поменяла картины за несколько дней до того, как попытаться украсть скипетр; проверяя таким образом систему безопасности дворца. Я проникла в Галерею, вошла в кабинет Фравы и подменила картину для пробы.

— Значит та, которую они посчитали подделкой, на самом деле оригинал, — заключил Гаотона, улыбаясь. — Ты нарисовала эти ошибки поверх оригинала, чтобы он казался копией!

— Вообще-то, нет, — возразила Шай. — Хотя я и использовала такую уловку в прошлом. Обе картины — подделки. Просто первая — очевидная подделка, оставленная для того, чтобы её обнаружили, если что-то пойдёт не так.

— Получается, оригинал до сих пор где-то спрятан... — произнёс Гаотона; было видно, что он заинтересовался. — Ты проникла во дворец, чтобы изучить систему безопасности, потом заменила оригинал копией. Вторую копию, чуть похуже, ты оставила в своей комнате как ложный след. Если бы тебя поймали во время

проникновения или по какой-то причине тебя бы выдал помощник, мы бы обыскали твою комнату, обнаружили там фальшивку и пришли к выводу, что ты ещё не осуществила подмену. Служащие приняли бы лучшую копию за подлинник. Таким образом, никто не станет искать оригинал.

— Примерно так.

— Хитро продумано. Получается, если бы ты попала в момент подмены скипетра, то могла сказать, что хотела лишь стащить картину. Обыск комнаты, благодаря лежащей там подделке, подтвердит твои слова. За кражу у частного лица судят не так строго, как за попытку выкрасть предмет государственной важности. Ты бы получила десять лет, а не смертельную казнь.

— К сожалению, — ответила Шай, — в самый ответственный момент произошло предательство. Шут подстроил так, что меня уже поджидала стража на выходе из дворца со скипетром.

— Но что с оригиналом картины? Где ты её спрятала? — запинаясь, спросил он. — Она все еще во дворце, ведь так?

— В некотором роде.

Гаотона посмотрел на неё, все еще улыбаясь.

— Я сожгла её, — сказала Шай.

Улыбка сразу же исчезла.

— Ты лжешь.

— На этот раз нет, старик. Картина не стоит такого риска, чтобы пытаться вынести её из Галереи. Подмену я совершила только лишь с целью проверить охрану. Пронести подделку было просто — на входе никого ведь не проверяют... только на выходе. Меня интересовал скипетр, а не картина. Подменив оригинал фальшивкой, я тут же кинула его в один из каминов главной галереи.

— Ужасно! — воскликнул Гаотона. — Это был оригинал ШуКсена, его самый великий шедевр! Он ослеп и не может больше рисовать. Ты вообще представляешь ценность... — пробормотал он. — Я не понимаю. Зачем ты так поступила?

— Это не имеет значения. Никто не узнает, так как все будут удовлетворены фальшивкой, на которую смотрят, а следовательно, вред минимальный.

— Ты понимаешь, что эта картина — бесценное произведение искусства! — Гаотона впился в неё взглядом. — Твой поступок просто гордыня и ничего больше. Ты и не собиралась её продавать, желая просто потешить своё тщеславие тем, что именно твоя работа находится в Галерее. Лишить всех нас такой великолепной картины только лишь для того, чтобы возвыситься в собственных глазах.

Она пожала плечами. На самом деле, всё было гораздо сложнее, чем он себе представлял. Но факт оставался фактом, картину она сожгла. И на это у неё были причины.

— Мы закончили, — произнёс Гаотона, краснея как рак. — Он махнул рукой, показывая, что на сегодня всё, и поднялся. — А я было подумал... Аргх!

Он вышел за дверь.

День сорок второй

Каждый человек — загадка.

Именно так объяснял Тао — её первый наставник. Воссоздатель не просто мошенник или шарлатан, а художник, рисующий людскими переживаниями.

Дурить людям головы мог любой оборванец с улицы. Воссоздатель же стремился к более величественным высотам. Обычные мошенники туманили человеку глаза, а потом сбегали, до того как обман раскроется.

Воссоздатель должен был сотворить что-то настолько совершенное, настолько прекрасное и реальное, чтобы порожденное им даже не подверглось сомнению. Как густой лес насыщен травами, кустами, цветами и замысловато переплетающимися лозами, так и человек — полон самых разных эмоций и желаний, каждая из которых борется в нём, конфликтуя с другими подобно кустам роз, сражающимся за клочок земли.

«Уважай людей, которых обманываешь, — учил её Тао, — крадя у них достаточно долго, ты начнешь понимать их».

Шай не просто работала, она писала правдивую книгу жизни императора Ашравана. И эта книга в своей правде превзойдет все те хвалебные оды, написанные императорскими писцами. Она затмит труд самого императора о собственной жизни. Такова её правда.

Шай медленно пробиралась сквозь тернии, постигая характер Ашравана, собирала общую картину по кусочкам, подобно мозаике.

Как и считал Гаотона, император был большим идеалистом. Сейчас, перечитывая его ранние записи, эта черта характера стала ей очевидна, в частности в том, как осторожно и беспокойно писал он об империи; и в своём обращении со слугами. Была ли империя чудовищной? Нет. Прекрасной? Тоже нет. Империя просто была.

Люди страдали, но терпели небольшой произвол, творимый тиранией. Привыкли и к повсеместной коррупции — как к чему-то неизбежному. Выбор невелик: либо принять порядок вещей таким, какой он есть, либо жить в полной непредсказуемости и неведении.

Великих откровенно поддерживали. Когда они поступали на государственную службу — престижную, денежную — с взятками, связями; профессиональные и личностные качества отходили на второй план. А настоящих тружеников, крестьян и торговцев империя обирала до нитки, тысячью жадных рук.

Всё это ни для кого не секрет, но Ашраван мечтал изменить такие порядки. Поначалу...

А потом? Собственно, ничего особенного не случилось. Поэты, возможно, в своих стихах укажут лишь на один изъян в характере Ашравана, который и привел его к провалу. Но... как человек одержим множеством эмоций, так и изъянов в нем — не один. И если Шай вдруг решит заложить в основу печатей единственный недостаток характера, то получится не человек, а посмешище.

«Неужели, надежда только на это? Может быть, — думала она, — действительно, стоит воссоздать одну подлинную черту, с которой он будет действовать справедливо. Вполне сойдет, чтобы одурачить двор. Не получится, правда, обмануть приближённых».

Возможно, такая затея и выгорит: сделать его как декорацию на театральной сцене. Макеты, на время пьесы, могли сойти за реальные объекты. Серьезной проверки им, конечно, не выдержать. Такая задача вполне осуществима. Наверное, ей стоит убедить арбитров, что подобный путь наиболее приемлем. Пускай у них будет свой император-марионетка, который выступает на официальных встречах, а затем исчезает. Такое поведение всегда можно объяснить тяжелым состоянием здоровья. Шай способна сделать такое. Но она поняла, что не хочет. Это скучно и примитивно. Пускай так работает уличный воришка, живущий сегодняшним днем, а работы Воссоздателя выдерживают долгие годы.

Сделать настоящего, живого Ашравана — настоящий вызов её талантам. Она поймала себя на мысли, что действительно желает дать Ашравану жизнь. Или сделать всё возможное для этого.

Шай прилегла на кровать, уже переделанную в удобную; с красивыми колоннами, балдахин и мягким одеялом, и задернула шторы. Охранники весь вечер играли в карты за её столом.

«Почему ты заботаешься о том, чтобы вернуть Ашравана к жизни? — подумала Шай. — Арбитры убьют тебя прежде, чем ты даже сможешь посмотреть, получилось ли. Спасение должно быть

твоей единственной целью».

И всё же... сам император. Почему Шай решила подменить Лунный Скипетр? Потому, что о нём знают все; это самая знаменитая реликвия империи. А Шай мечтала, чтобы её работа лежала на самом почетном месте, созерцаемая всеми, в грандиозной имперской Галерее.

Но то Скипетр. Сейчас же она работала над чем-то совершенно непостижимым. Интересно, хоть кто-нибудь из Воссоздателей проделывал подобное? Воссозданная копия на самом Троне Роз...

«Хватит, — сказала она себе, на этот раз решительнее. — Не увлекайся. Это гордыня. Нельзя ей поддаваться, нельзя...»

Шай открыла последние страницы своей книги. Там, где зашифрован разработанный план побега, посторонний увидит обычный словарик: имена, названия...

Как-то на днях прибежал Клеймящий, весь запыхавшийся от страха, что не успеет обновить печать. От него разило крепким алкоголем. Да, дворец был к нему действительно гостеприимен. Ах, если бы она могла каким-то образом сделать так, чтобы он пришел утром как можно раньше, и тем же вечером, напился...

Клеймящие Кровью жили на болотах, в земле Джамар, и тесно граничили с народом Бойцов, обитавших в прилегающих горах. Так сложилось, что два народа не питали большой любви друг к другу. Эта взаимная ненависть, уходя корнями в глубокую древность, была гораздо сильнее их преданности империи.

Некоторые Бойцы из её стражи заметно кривились, стоило только Клеймящему появиться на пороге. Шай решила завести с ними дружбу, бросая случайные шутки и отпуская небольшие ремарки, подчеркивая сходство между ней и стражниками.

Бойцам было запрещено разговаривать с Шай, но шли недели, она только и делала, что копалась в книгах да болтала со старыми арбитрами. Охранники заскучили, и ими стало легко манипулировать.

В распоряжении Шай было много камней души, и она воспользуется этим. Но чаще всего простейшие методы были действеннее. Люди всегда ждут, что Воссоздатель применит печати. Великие навывдумывали много историй о тёмном колдовстве, о Воссоздателях, размещавших печати на стопе человека, пока тот

спал, тем самым меняя его индивидуальность. Поражая и насилуя разум.

«Правда в том, что печать души для Воссоздателя — последнее средство. Слишком уж легко её обнаружить. А вот за свои знаки сущности, напротив, я отдала бы сейчас даже правую руку...»

Она едва не поддалась искушению вырезать новый знак для побега. Конечно, они будут ожидать нечто подобное, да и сложно незаметно проделать сотни тестов, чтобы заставить его работать. Если она будет испытывать знак на своей руке, об этом сразу же доложат охранники, а на Гаотоне он и вовсе не заработает. Использовать же непроверенный знак сущности... да уж, не очень удачная затея. Нет, даже задействовав печати души в своём плане побега, она будет больше полагаться на традиционные уловки.

День пятьдесят восьмой

Шай была готова к следующему приходу Фравы.

Женщина остановилась в дверном проёме, и охранники без возражений покинули комнату, так как им на смену пришёл капитан Зу.

— А ты хорошо потрудилась, — заметила Фрава.

Шай приподняла голову. Арбитр говорила об улучшениях в комнате, а никак не об основной работе. Буквально на днях Шай трансформировала пол, что не составило большого труда. По документам всё легко можно было найти: кто строил, из какого камня, откуда и когда тот был завезён...

— Вам нравится? — спросила Шай. — Думаю, мрамор хорошо сочетается с камином.

Фрава повернулась и удивленно моргнула.

— Камин? Откуда... Мне кажется, или комната стала больше?

— Тут за стенкой есть небольшая кладовка, ею никто не пользовался, — пробормотала Шай, опуская взгляд обратно в книгу. — А перегородка между помещениями возведена не так давно, может, пару лет назад. Я слегка переписала происходившее, будто мою комнату сделали немного больше и оснастили камином.

Фрава была ошеломлена.

— Я даже не знаю... — она снова надела привычную маску строгости. — Откуда столько легкомыслия, Воссоздатель? Ты здесь не дворец реконструируешь, а возвращаешь императора к жизни.

— Работа с камнями души меня успокаивает. Да и трудиться приятнее в хорошей просторной обстановке, а не в жалком чулане. Будет вам душа императора в срок, Фрава.

Арбитр прошлась по комнате, внимательно изучая рабочий стол Шай.

— То есть работу над камнем души императора ты уже начала?

— И не над одним. Процесс, как вы понимаете, не из легких. Я проверила на Гаотоне уже более сотни штампов...

— Арбитре Гаотоне.

— ...на старике. И каждая такая печать лишь малый кусочек общей картины. После того, как у меня будут все работающие фрагменты, необходимо сделать более миниатюрную гравировку, а это кропотливая работа. В итоге одна печать вместит около дюжины проверенных штампов.

— Как так? Ведь ты утверждаешь, что испробовала уже больше сотни, а в финальную версию пойдет лишь двенадцать?

Шай засмеялась.

— Двенадцать? На душу человека? Это несерьезно. Финальную печать, ту, что придется ставить каждое утро, — как ключ или краеугольный камень: только её нужно использовать на коже императора, а она, в свою очередь, активирует целую сеть из сотен остальных штампов.

Шай отошла, доставая книгу с записями и набросками окончательных печатей.

— Данные символы необходимо нанести на металлическую пластинку, а затем связать с итоговой печатью-ключом. И эту пластинку император должен будет всегда носить при себе.

— Ему еще какую-то пластинку придется таскать? — Фрава нахмурилась, — и печать каждое утро ставить? Мне одной кажется, что в таких условиях вести нормальный образ жизни несколько затруднительно?

— Я полагаю, — парировала Шай, — что пост императора уже сам по себе затрудняет вести нормальный образ жизни. У вас всё получится. Такую вещь вполне можно сделать в виде украшения, вроде медальона или браслета на руку — с квадратными сегментами. Посмотрите на мои знаки души, они точно также устроены: в коробочке под каждым из них лежат пластинки.

Тут Шай слегка замялась.

— Как я уже говорила, ничего подобного мне раньше делать не приходилось; никто этого не делал. Но есть шанс... и можно сказать, довольно большой... что через некоторое время мозг императора впитает эту информацию. Это как... как если бы ты год за годом отпечатывал одно и то же изображение на стопке бумаги, то в конце концов рисунок проявится и на нижних листах. Возможно, через

несколько лет ставить печать и вовсе не понадобится.

— И всё равно я считаю это возмутительным.

— Хуже, чем быть мертвым? — спросила Шай.

Фрава оперлась рукой на книгу с заметками и неоконченными эскизами Шай. Потом взяла её.

— Я прикажу писцам скопировать это.

Шай встала.

— Она нужна мне.

— Уверена, что нужна, — согласилась Фрава. — Именно поэтому её на всякий случай и нужно скопировать.

— Копирование займёт слишком много времени.

— Я верну её через день, — бросила Фрава, удаляясь.

Шай было кинулась к ней, но капитан Зу, наполовину вытащив меч из ножен, выступил вперёд.

Фрава обернулась.

— Ну что вы, капитан? Не стоит. Воссоздатель всего лишь защищает свою работу. Это хорошо. Значит, она старалась.

Взгляды Шай и Зу пересеклись. *«Он хочет моей смерти. Плохо»*. Она уже поняла, что он из себя представляет. Охрана дворца была задачей Зу, невыполненной из-за кражи Шай. И то, что она попала, заслуга не капитана, а имперского шута. Зу чувствовал себя неуверенно из-за неудачи, поэтому хотел в отместку убить Шай.

Она отвела глаза. Как бы её это ни раздражало, нужно выглядеть покорной.

— Будьте осторожны, — предупредила она Фраву. — И накажите им, чтобы не дай бог, не потеряли ни одной страницы.

— Я буду защищать её, как если бы... жизнь императора зависела от этого. — Фрава нашла свою шутку забавной и улыбнулась Шай. — Ты подумала над другим вопросом, который мы обсуждали?

— Да.

— И?

— Да.

Улыбка Фравы стала шире.

— Мы скоро снова поговорим.

Арбитр ушла с книгой, в которой были два месяца кропотливой работы. Шай знала, что сделает женщина. Фрава не собиралась копировать записи. Она покажет их другому Воссоздателю, чтобы узнать, достаточно ли ему этого для завершения работы.

Если он решит, что достаточно, Шай будет казнена без лишнего шума до того, как другие арбитры смогут что-либо возразить. Вероятно, Зу сам её убьет. Всё может закончиться здесь.

День пятьдесят девятый

Шай плохо спала этой ночью.

Она была уверена, что подготовилась тщательно. И всё же ей приходилось ждать, будто с петлей на шее. Это тревожило. Что если она неправильно истолковала ситуацию?

Все обозначения в книге она специально сделала трудными для понимания, каждое из них будто указывало на то, каким колоссальным был проект. Мелкий почерк, многочисленные перекрёстные ссылки, списки и списки напоминаний для себя о том, что нужно сделать... Целый талмуд... Всё это прямо кричало о том, что работа ужасно сложная.

Это была подделка. Один из самых трудных её типов... Подделка, которая подражала не определенному человеку или объекту, а общему содержанию книги.

Держитесь подальше, говорило оно. Бессмысленно даже пробовать сделать хоть что-нибудь из написанного. Книга откровенно говорила: отдайте работу Шай, она сделает всё самое трудное, ведь вам не справиться! А за ошибку платить придется головой...

Эти записи были одной из самых тонких подделок, которые она когда-либо создавала. Каждое слово в книге — не то истина, не то ложь; и только настоящий мастер-Воссоздатель смог бы разглядеть, как сильно Шай старалась своим текстом повлиять на читающего: смотрите, как всё это тяжело и очень опасно.

Насколько хорош Воссоздатель Фравы?

Доживет ли Шай до утра?

Она не спала. Хотя хотела и должна была. Ждать часы, минуты и секунды стало мучительно долго. Но мысли о том, что они придут за ней, пока она спит, были куда ужаснее.

Измученная, Шай всё-таки встала и извлекла некоторые бумаги о жизни Ашравана. Охранники, играющие в карты за её столом, посмотрели на неё. Один из них даже сочувствующе кивнул, видя её усталость и покрасневшие глаза.

— Свет слишком яркий? — спросил он, указывая на лампу.

— Нет, — ответила Шай. — Просто никак не перестану думать кое о чем.

Она провела ночь в постели, мыслями полностью погруженная в жизнь Ашравана. Жаль, нет записей... Шай разочарованно вынула чистый лист и снова стала делать пометки. Она добавит их в книгу, которую ей вернут. Если вернут...

Похоже, она наконец поняла, почему Ашраван утратил свой юношеский оптимизм. По крайней мере она знала, сочетание каких факторов подтолкнуло его к подобному. Отчасти — повальная коррупция, но это не главное. Опять же, недостаток уверенности в себе, но и это не было решающим фактором.

Нет, Ашраван потерпел крах в самой жизни. Жизнь во дворце, как часть империи, тикающей подобно часам. Всё работало. Конечно, не так, как хотелось бы. Но ведь работало.

Побороть продажность и бюрократию требовало воли, которую еще нужно собрать в кулак. А он жил расслабленно. Нет, Ашраван не был ленив, но это и не нужно; бюрократия своим тяжелым механизмом всё перемалывала. Ведь можно сказать, что в следующем месяце обязательно приду и потребую исполнение изменений. Но мощный коррупционный поток с каждым разом было всё труднее остановить, к тому же намного легче просто плыть по течению великой реки, именуемой Империей Роз.

Под конец он стал более мягким и потакающим. Теперь его главным образом заботила не жизнь своих подданных, а убранство и красота дворца. Он позволил арбитрам брать на себя всё больше правительственных функций.

Шай вздохнула. Даже это описание было слишком упрощённым, ведь совсем не учитывало каким человеком он был и каким стал. Хронология событий не говорит о его характере, любви к дискуссиям, о взглядах на красоту, или о привычке писать ужасные, посредственные стихи, а затем ожидать от окружающих похвалы.

Это также никак не говорило о его высокомерии или о тайном желании стать кем-то другим. Именно поэтому император постоянно перечитывал свой дневник, выискивая, вероятно, тот момент, когда он пошел по неправильному пути.

Ашраван не понимал. Редко бывает в жизни, когда можно с четкостью сказать — вот здесь ты оступился. Люди меняются медленно и незаметно. Не бывает так, что сделал шаг — и вот ты уже очутился где-то в другом месте. Поначалу ты отходишь чуть в сторону, стараясь не наткнуться на дорожные камни. Затем какое-то время ты идешь вдоль дороги, а потом делаешь еще один шаг, ступая на мягкую почву. После чего, немного задумавшись и ничего не замечая вокруг, начинаешь всё сильнее и сильнее сворачивать с курса... И вдруг оказывается, что ты уже в каком-то другом городе и удивляешься, отчего же знаки не привели тебя туда, куда ты направлялся...

Дверь в комнату отворилась.

Шай подскочила на кровати, чуть не выронив свои записи. Они пришли за ней.

Но... нет, уже наступило утро. Свет пробивался сквозь витраж, стражники стояли и потягивались. Дверь открыл Клеймящий. Похоже, он снова был с похмелья и, как обычно, нес стопку бумаг.

«Сегодня он рано, — подумала Шай, глядя на карманные часы. — Почему, он ведь вечно опаздывает?»

Клеймящий сделал надрез и молча запечатал дверь, руку Шай обожгла боль. Он выскочил из комнаты, будто спешил на важную встречу. Шай уставилась ему вслед и потрясла головой.

Через минуту дверь открылась вновь и вошла Фрава.

— О, уже проснулась, — произнесла она в тот момент, когда стража приветствовала её. Фрава с шумом хлопнула книгой о стол. Выглядела она раздраженно. — Писцы закончили. Возвращайся к работе.

Фрава суетливо покинула комнату. Шай откинулась в постели и облегченно вздохнула. Уловка сработала. У неё есть еще несколько недель.

День семидесятый

— Получается, этот символ, — Гаотона указал на зарисовки будущих главных печатей, — означает конкретный момент времени, правильно? Семь лет назад?

— Да, — ответила Шай, сдувая пыль с только что вырезанного штампа. — Ты быстро учишься.

— А как же, ведь ежедневно я, можно сказать, подвергаюсь хирургическому вмешательству. Поэтому хотелось бы больше знать, какими ножами оно осуществляется.

— Изменения не...

— Непостоянные, — перебил он. — Ты уже говорила, знаю.

Он протянул руку к Шай, чтобы она поставила печать.

— Если порезаться единожды, то ранка затянется. Но если одно и то же место резать каждый день — будет шрам. Не вижу разницы: с душой должно быть также?

— Конечно, за исключением того, что всё совсем не так, — ответила Шай, прижимая печать к его руке.

Он так до конца и не простил ей то, что она сожгла шедевр ШуКсена. Она видела это. Старик больше не был разочарован в ней, он злился.

Гнев со временем исчез, и у них снова были нормальные рабочие отношения.

Гаотона поднял голову.

— Я... Ммм... странно.

— Странно, в каком смысле? — спросила Шай, отсчитывая секунды по своим карманным часам.

— Я помню, как сам себя уговаривал стать императором. И... и я так злился на себя. Мать света... неужели он и правда так обо мне думал?

Штамп действовал пятьдесят семь секунд. Неплохо!

— Да, — ответила она, когда метка исчезла. — Я считаю, что

именно так он к тебе и относился.

Шай почувствовала волнение. Наконец-то печать заработала!

Она была уже очень близко к пониманию личности императора и вот-вот соберет всю мозаику. Всякий раз, когда Шай работала над чем-то большим, будь то картина, скульптура или печать для человеческой души, всегда наступал такой момент, когда она вдруг отчетливо видела будущий результат целиком задолго до завершения. Когда такой момент наступал, работа была закончена, и фактическая доработка становилась формальностью.

Точно также, перед ней уже был образ императора, вся его душа, лишь с небольшими пробелами. Она тянулась в самые отдаленные уголки его сущности, стремясь понять, сможет ли вернуть его к жизни. Шай уже столько прочла о нем, что Ашраван стал ей близким другом, поэтому довести начатое до конца превратилось в необходимость.

А с побегом можно было и подождать.

— Это та самая, верно? — спросил Гаотона. — Та печать, которую ты безуспешно пробовала несколько раз, о том, почему он решил стать императором.

— Да, — вымолвила Шай.

— Его дружба со мной..., — пробормотал Гаотона. — Ты сделала так, чтобы его решение зависело от наших отношений, и... и от чувства стыда, которое он испытывал в разговорах со мной...

— Да.

— И это сработало.

— Да.

Гаотона сел обратно.

— Мать света... — прошептал он снова.

Шай положила печать к тем, что уже были проверены.

За последние несколько недель каждый из арбитров успел навестить её, подобно Фраве, обещая горы золота за контроль над императором. Только Гаотона ни разу не пытался её подкупить. Честнейший человек, и на самом верху правления империей. Невероятно. Использовать его будет гораздо сложнее, чем ей бы того

хотелось.

— Должна сказать, — заметила Шай, повернувшись к нему, — ты снова меня поразил. Думаю, мало кто из Великих стал бы тратить время на изучение печатей души. Они стараются избежать того, что считают злом, даже не пытаясь понять. Ты изменил свое мнение?

— Нет, — отрезал Гаотона. — Я по-прежнему считаю твоё ремесло если не злом, то, по крайней мере, кощунством. И всё же, кто я такой, чтобы судить? Наше правление полностью зависит от тебя и того ремесла, что мы так свободно называем мерзостью. Жадность до власти превзошла нашу совесть.

— В отношении прочих арбитров это так, — подметила Шай, — но у тебя другой мотив.

Он удивленно приподнял брови.

— Ты просто хочешь вернуть Ашравана, — продолжила Шай. — И отказываешься признавать, что потерял его. Ты любил его как сына... молодого человека, которого воспитал как императора и в которого верил, даже тогда, когда он сам в себя — нет.

Гаотона отвел взгляд, ему явно стало неудобно.

— Но это будет не Ашраван. Даже, если всё получится, это будет не он. Ты ведь понимаешь.

Он кивнул.

— Но... хорошая имитация может быть не хуже оригинала, — заметила Шай. — Ты из фракции «Наследие». Вы окружаете себя поддельными древностями и копиями давно утраченных картин. Не думаю, что поддельный император сильно отличается от этого. А ты... ты просто хочешь убедиться, что сделал всё, что мог. Ради него.

— Как у тебя получается? — тихо спросил Гаотона. — Я видел твои разговоры с охраной, ты знаешь всех служащих по именам. Складывается впечатление, будто тебе известно даже то, как живут их семьи, что они любят, что делают по вечерам... и всё это будучи запертой в комнате. Уже несколько месяцев. Откуда такие познания?

— Люди, — ответила Шай, поднимаясь, чтобы взять другую печать, — по своей природе пытаются владеть всем, что их окружает. Мы строим стены, чтобы защититься от ветра, крыши, чтобы укрыться от дождя. Мы приручаем стихии, подчиняем природу

нашей воле. Это позволяет нам думать, словно всё под контролем.

— Правда, поступая так, мы лишь сменяем одно воздействие на другое. И вместо ветра на нас уже влияют стены, возведённые нами. Человеческие пальцы касаются всего вокруг. Люди ткут ковры, выращивают пищу. Каждая вещь в городе, к которой мы прикасаемся, которую видим и чувствуем, является результатом чьего-то воздействия. Мы можем думать, что всё под контролем, но на самом деле это не так, до тех пор, пока мы по-настоящему не начнём понимать людей. Управление окружающим миром уже не сводится к одной защите от ветра. Оно заключается в знании, почему служанка проплакала всю ночь, или почему один и тот же охранник постоянно проигрывает в карты. И наконец, почему ваш работодатель нанял именно вас.

Гаотона молча наблюдал, пока она садилась и подносила к нему печать. Он нерешительно протянул руку.

— Мне кажется, — вымолвил арбитр, — что даже с нашей предельной осторожностью мы недооценили тебя, девушка.

— Хорошо, — сказала она. — Ты уловил суть.

Она поставила печать.

— А теперь скажи мне, почему ты всё-таки ненавидишь рыбу.

День семьдесят шестой

«Я должна это сделать», — думала Шай, пока Клеймящий в очередной раз делал надрез на её руке. Сегодня. Сегодня можно удрать.

В другом её рукаве был припрятан клочок бумаги, точная копия тех, что приносил Клеймящий, когда приходил раньше обычного.

Пару дней назад Шай заметила на одной из таких бумаг следы воска. Несомненно, это письма. Значит, она ошибалась в нём с самого начала.

— Ну как, хорошие новости? — спросила она, когда Клеймящий обмазывал печать в её крови.

Его бледные губы растянулись в презрительной улыбке.

— Из дома, — продолжила Шай. — У вас переписка с женщиной из Джамара. Сегодня вы получили ответ? Почта приходит по утрам. В дверь раздается стук, вам протягивают письмо... *«И ты просыпаешься, — мысленно добавила она, — поэтому в такие дни приходишь вовремя».* — Вы, должно быть, очень скучаете, если берете письмо с собой, а не оставляете в комнате.

Клеймящий схватил Шай за ворот рубашки.

— Даже не смей говорить о ней, ведьма, — прошипел он. — Даже не думай! И без этих твоих трюков, и никакой магии!

Оказывается, он моложе, чем она думала. С джамарийцами так всегда: непонятно, стареют ли они вообще... белые волосы, белая кожа — всё это сбивало с толку. *«Такие вещи нужно замечать сразу, — думала Шай. — Да он же еще юнец».*

Шай сжала губы.

— И это ты мне говоришь про трюки и магию, держа в руках печать, измазанную в моей же крови? Приятель, ты мне лично угрожал своими скелетами. А я только и могу, что отполировать стол.

— Просто... просто... Всё!

Парень поднял руки вверх и поставил штамп на дверь.

Стражники смотрели на всё это с хмурым и равнодушным

видом. О, Шай не просто болтала, она подбирала слова так, чтобы показать охранникам, что совершенно безобидна, а вот он — отвратителен. Стражники воспринимали её как дружелюбного ученого, в то время как Клеймящий приходил, брал её кровь и использовал в своих страшных, потусторонних делах.

«Пора обронить бумагу», — подумала она, слегка опустив рукав; ещё чуть-чуть и бумажка упадёт на пол, охранники как раз отвернутся. Это положит начало реализации её плана побега...

Но Воссоздание еще не завершено. Душа императора.

Она сомневалась... Глупо, но сомневалась.

Дверь захлопнулась. Возможность упущена.

Вся онемевшая, Шай медленно дошла до кровати и присела. Поддельное письмо так и осталось спрятанным у неё в рукаве. Почему она засомневалась? Неужели её инстинкты самосохранения настолько слабы?

«Я могу подождать ещё немного, — сказала она себе, — пока не будет готов знак сущности Ашравана».

Шай говорила себе это уже несколько дней подряд, даже недель. Фрава могла нанести удар в любой день. Она приходила всё чаще, под разными предлогами забирая её записи туда, где их тщательно проверяли. Работа уже подходила к такому моменту, когда другой Воссоздатель сможет во всём разобраться сам и закончить работу.

По крайней мере, так он подумает. Чем дальше она продвигалась, тем сильнее понимала, насколько невозможен проект. И тем больше ей хотелось закончить, несмотря ни на что.

Она взяла книгу своих записей о жизни императора, перелистывая, и поймала себя на мысли, что читает о его юности. Мысль о том, что ему не суждено жить снова, что вся её работа была просто ширмой, чтобы скрыть настоящую цель — побег... причиняла боль.

«О, Ночи, — думала Шай, — ты начинаешь привязываться к нему. Ты начинаешь смотреть на него, как Гаотона!» Нельзя позволять себе такие чувства. Она с ним даже никогда лично не встречалась. Его все презирали. Но так было не всегда. Нет, на самом деле император никогда не был человеком, недостойным уважения. Он гораздо сложнее. Как и любой другой человек. Она может понять

его, она видит...

«Ночи!»— оборвала Шай свои размышления, вставая и убирая книгу в сторону. Ей нужно очистить мысли.

Когда Гаотона появился в комнате шесть часов спустя, Шай как раз прикладывала печать к дальней стене. Пожилой мужчина открыл дверь, шагнул в комнату и замер от увиденного. От печати, словно виноградные лозы, во все стороны змеились краски. Узоры и брызги: зеленые, алые, желтые... Картина росла, словно нечто живое. На ветвях вырастали листья, фрукты, целыми гроздьями, сочно лопались.... Узор всё наполнялся и наполнялся новыми деталями; вдруг, из ниоткуда, побежала окантовка, обрамляя золотом листья и сверкая на свету.

Фреска стала глубже, каждый сантиметр был словно пропитан иллюзией движения. Вот из-под вьющихся лоз вдруг выглянули шипы... Гаотона трепетно выдохнул и встал рядом с Шай. Следом вошел Зу, а двое других охранников вышли, закрыв за собой дверь.

Гаотона протянул руку и прикоснулся к стене, но, разумеется, краска была сухой. Стена считала, что была расписана таким образом много лет назад. Гаотона опустился на колени, рассматривая две печати, которые Шай поместила в основании картины. Только третья, поставленная выше, произвела трансформацию. Первые две содержали в себе заметки о том, как изображение должно быть исполнено. Основные направления, изменение прошлого, инструкции...

— Как? — спросил Гаотона.

— Один из Бойцов сопровождал Ацуко из Джиндо во время его визита во Дворец Роз, — ответила Шай. — Ацуко заболел. Ему пришлось три недели провести в своей спальне, которая как раз была этажом выше.

— А твое воссоздание помещает его в эту комнату?

— Да. Это было до потопа в верхнем помещении от просочившейся сквозь потолок воды в прошлом году. Поэтому художника разместили здесь, что вполне правдоподобно. Стена помнит Ацуко, который проводил дни в этой комнате: слишком слабый, чтобы уйти, но в состоянии рисовать. Каждый день, по чуть-чуть добавляя к узорам листья, ягоды и виноградные лозы, чтобы скоротать время.

— Печать не должна была схватиться, — отметил Гаотона. — Это воссоздание неубедительное. Ты слишком многое изменила.

— Нет, — ответила Шай. — Но изменения привели... привели туда, где рождается величайшая красота...

Она убрала печать. Шай с трудом могла припомнить последние шесть часов, поглощенная творческим порывом.

— И всё же... — парировал Гаотона.

— Она схватится, — перебила его Шай. — Если бы ты был стеной, что бы предпочёл? Быть серым и скучным или живым и ярким?

— Стены не могут думать!

— Это не мешает им желать.

Гаотона покачал головой, бормоча что-то про суеверия.

— Сколько потребовалось времени?

— Чтобы сделать эту печать души? Я вырезала её время от времени в течение последнего месяца, где-то так. Последнее, что я хотела изменить в комнате.

— Художник был джиндосцем, — произнёс он. — Возможно, благодаря тому, что вы из одного народа, стена... Хотя нет! Она ведь думает, если верить вашим суевериям.

Гаотона потрянул головой, пытаясь понять, почему эта картина должна схватиться, но для Шай ответ на такой вопрос был очевиден.

— Джиндосцы и мой народ не одно и то же, чтобы ты знал, — ответила Шай раздраженно. — Возможно, давным-давно мы и были едины, но сейчас уже слишком отличаемся друг от друга.

Ох уж, эти Великие. Просто потому, что люди имели сходные черты, Великие считали их практически идентичными.

Гаотона оглядел её комнату, ухоженную и обставленную резной мебелью. Мраморный пол с серебряной инкрустацией, потрескивающий камин и небольшая люстра. Пол покрыт великолепным ковром, который когда-то был рваным одеялом. На правой стене сверкал витраж, освещая восхитительную фреску.

Единственной вещью, сохранившей первоначальный вид, была

дверь. Массивная, но абсолютно непримечательная. Шай не могла воссоздать её из-за кровавой печати, размещённой на ней.

— Ты ведь понимаешь, что у тебя теперь лучшая комната во дворце, — вымолвил Гаотона.

— Сомневаюсь, — хмыкнула Шай. — Несомненно, лучшие покои у императора.

— Самые просторные, да. Но не лучшие, — он присел перед фреской, разглядывая печати внизу. — Ты добавила подробные разъяснения того, каким образом создавалась картина.

— Чтобы сотворить реалистичное воссоздание, — объяснила Шай, — необходимо в какой-то степени обладать навыком реального создания того, что ты имитируешь.

— Значит, с тем же успехом ты могла расписать эту стену сама.

— У меня нет красок.

— Их можно было и попросить. Я бы принес. Вместо этого ты занялась воссозданием.

— Такая уж я есть, — ответила Шай, чувствуя, что он снова действует ей на нервы.

— Такой ты решила быть. Если даже стена может пожелать стать фреской, Ван ШайЛу, то и ты могла бы захотеть стать великим живописцем.

Она грохнула печатью о стол и пару раз глубоко вздохнула.

— А ты с характером, — продолжал Гаотона. — Как и Ашраван. На самом деле, я теперь понимаю, что ты сейчас чувствуешь, потому как благодаря тебе ощутил это несколько раз на собственной шкуре. Кажется, такой способ... может наладить диалог между людьми, научить их понимать друг друга. Добавь свои эмоции на печать и дай другим почувствовать то, что чувствуешь сам.

— Звучит отлично, — изрекла Шай. — Если бы только воссоздание душ не было ужасным преступлением против природы.

— Если бы.

— Раз уж ты смог прочитать эти печати, стало быть, действительно стал хорошо разбираться, — ответила Шай, резко меняя тему. — Почти на столько, что можно подумать, будто ты меня

обманивал...

— На самом деле...

Шай встрепенулась, окончательно прогоняя свой гнев. Что это на неё нашло?

Гаотона смущенно полез в глубокий карман своей мантии и достал деревянную коробочку. Ту, в которой Шай хранила свои сокровища — пять знаков сущности. В них содержались варианты развития души, которые в случае необходимости могут преобразовать её в того, кем она могла бы быть.

Шай шагнула вперед, но Гаотона приоткрыл коробку и показал, что в ней пусто.

— Мне очень жаль, — сказал он. — Думаю, с моей стороны было бы немного глупо... отдать их тебе сейчас обратно. Кажется, любой из них может освободить тебя в одно мгновение.

— На самом деле только два, — кисло пробормотала Шай, перебирая пальцами. На эти печати души она потратила более восьми лет жизни и кропотливой работы. Первую начала в тот самый день, когда закончила свое обучение.

— Хм, да, — ответил Гаотона. Внутри небольшой коробки лежали пластинки металла с выгравированными печатями меньшего размера: небольшие чертежи, по которым бы пошло изменение души. — Эта, я полагаю? — он вынул одну из пластин. — Шайзан. В переводе... Кулак Шай? Делает из тебя воина, верно?

— Да, — ответила Шай. Значит, Гаотона изучал её знаки сущности, вот откуда он так хорошо научился читать печати.

— Я понимаю отсюда лишь десятую часть. И очень впечатлен. Воистину, должно быть ушли годы на их изготовление.

— Они... очень дороги мне, — заговорила Шай, заставляя себя сесть за стол и не заикливаться на пластинах. Если бы она сумела утащить пластинки с собой при побеге, то новые печати изготовить бы было гораздо проще. Несмотря на то, что это займет недели, большая часть трудов не пропадет. Но если их уничтожат...

Гаотона сел в свое кресло, рассматривая пластины и беспечно крутя их в руках. Будь на его месте другой человек, такое поведение можно было бы расценивать как скрытую угрозу. *«Смотри, что у*

меня в руках, и подумай о том, что я могу с тобой сделать». Однако о Гаотоне такого сказать нельзя. Он был искренне заинтересован.

Или нет? Как всегда, Шай не могла подавить свои инстинкты. Неважно, насколько ты хорош, найдется тот, кто будет лучше. Именно этому учил дядя Вон. Что если Гаотона всё это время дурачил её? И хотя чутье подсказывало, что Шай права в своей оценке этого человека, в случае ошибки провал неизбежен.

«Фиаско может настигнуть меня в любой момент, — думала она. — Я должна была сбежать несколько дней назад».

— Стать воином, это понятно, — заговорил Гаотона, убирая пластину в сторону. — И это тоже. Охотник и следопыт. Очень полезный навык, позволяет прекрасно выживать в любой среде. Впечатляет. Но вот ученый. Для чего? Ты и так ученый.

— Ни одна женщина не может знать всего. Кроме того, на обучение требуется слишком много времени. Используя этот знак сущности, я тут же смогу разговаривать на десятках языков, от Фен до Мулла-дель, даже на нескольких наречиях Сайклы. Мне станут доступны знания множества разных культур и правила их поведения. Я буду знать естественные и точные науки, а также основные политические течения в мире.

— Вот как, — ответил Гаотона.

«Просто отдай мне их», — думала она.

— А как насчет этой? — поинтересовался Гаотона. — Нищенка? Для чего тебе быть истощенной и... это означает, что большая часть волос должна выпасть, а кожа покроется шрамами?

— Меняет внешность, — ответила Шай. — Мгновенно. Это полезно.

Она не стала упоминать, что в этом случае будет знать все уличные лазейки и как выжить в городском подполье. В обычном состоянии её навык по взлому замков был весьма посредственным, но если поставить штамп, её мало кто мог превзойти.

С меткой от этой печати Шай могла бы попытаться выскользнуть через маленькое окно, и так как знак перепишет прошлое, даст ей годы опыта в качестве акробата, чтобы легко спуститься на пять этажей вниз... к свободе.

— Мог и сам догадаться, — продолжал Гаотона. Он достал пятую пластинку. — Осталась последняя, самая загадочная из всех.

Шай не проронила ни слова.

— Приготовление пищи, сельскохозяйственное дело, шитье. Еще одно альтер-эго, я полагаю. Для имитации обычного человека?

— Да.

Гаотона кивнул, откладывая лист. *«Честность. Он должен видеть мою честность. Не надо обманывать.»*

— Нет, — вздохнула Шай.

Он посмотрел на неё.

— Это... мой исход, — объяснила она. — Пользоваться я ей не собираюсь, но если вдруг возникнет необходимость, то вот она.

— Исход?

— Если я когда-нибудь применю её, — ответила Шай, — вся моя жизнь Воссоздателя будет полностью переписана. Исчезнет всё. Я не буду знать, как сделать даже самую обычную печать; забуду, что когда-то была ученицей Воссоздателя. Стану обычным человеком.

— И ты хочешь этого?

— Нет.

Пауза.

— Да. Возможно. Какая-то часть меня, наверное, хотела бы такого исхода.

Как трудно быть честной. Очень трудно. Но иногда это единственный возможный вариант.

Она иногда мечтала о простой жизни. Чем-то похоже на странное желание спрыгнуть с большого обрыва, только чтоб узнать каково это. Очень соблазнительно, несмотря на всю глупость поступка.

Обычная жизнь. Без тайн и лжи. Шай любила свою жизнь. Ей нравятся острые ощущения, добиваться успеха, творить чудеса. Но... частенько, находясь в бегах или в темнице, она мечтала о другом.

— Твои дядя и тётя? — спросил он. — Дядя Вон, Тетя Сол, они тоже упомянуты в печатях. Я прочёл это здесь.

— Нет никаких дяди и тети, — прошептала Шай.

— Но ты их постоянно вспоминаешь.

Она зажмурилась.

— Я понимаю, — продолжил Гаотона, — жизнь полная лжи заставляет реальность и вымысел смешиваться. Но если ты воспользуешься печатью, то безусловно забудешь не всё. Но как ты намерена скрыть такую ложь от себя?

— О, это станет самой грандиозной подделкой, — ответила Шай, — которая обманет даже меня. Я буду убеждена, что умру, если не ставить штамп каждый день. В моём новом прошлом присутствует история болезни и посещение... запечатывающего, или как вы их называете. Целитель, работающий с печатями душ. Именно такой врач якобы дал мне лекарство, которое нужно принимать каждый день, а тётя Сол и дядя Вон будут посылать мне письма. Всё это часть большого представления по обману самой себя. Письма уже написаны. Прежде чем нанести печать, я заплачу почте, чтобы они периодически их высылали.

— Но что, если ты попробуешь навестить их? — поинтересовался Гаотона. — Скажем, разузнать побольше о своем детстве.

— На пластинке всё есть. Я буду бояться путешествовать. Это правда, в детстве я действительно опасалась покидать свою деревню. Если воспользуюсь данным знаком, то стану держаться подальше от городов. Мне будет казаться, что выезжать к родственникам слишком опасно. Но всё это не имеет значения, ведь я никогда не воспользуюсь печатью.

Данный штамп поставит на ней крест. Шай забудет последние двадцать лет, вплоть до момента, когда ей было восемь и она только начала интересоваться возможностью стать Воссоздателем. Шай станет совсем другой. Ни один другой знак сущности не создавал такого эффекта; да, они переписывали некоторые моменты из её прошлого, но при этом всегда оставались воспоминания о том, кто она на самом деле. А вот последняя печать действовала совершенно иначе. Ведь ей и полагалось стать последней. Это сильно пугало.

— То есть ты вложила столько труда и времени в нечто, чем даже никогда не воспользуешься, — отметил Гаотона.

— Такова жизнь.

Гаотона покачал головой.

— Меня наняли, чтобы уничтожить картину, — выпалила Шай.

Она сама не понимала, зачем сказала ему это. Шай должна быть честной с Гаотоной, только так её план может сработать, но данный кусочек правды ему знать не обязательно. Или нет?

Гаотона поднял взгляд.

— ШуКсен нанял меня уничтожить картину Фравы, — продолжила она, — вот почему я сожгла шедевр вместо того, чтобы вынести его из галереи.

— ШуКсен?! Но... он автор! Для чего ему желать уничтожения одной из своих работ?

— Потому, что он ненавидит империю, — ответила Шай. — Картина нарисована для любимой женщины, а её дети подарили шедевр императору. ШуКсен уже стар, ослеп и почти не может двигаться. Творец не хочет уйти в могилу, зная, что одна из его работ теперь прославляет Империю Роз. Он умолял меня сжечь её.

Казалось, что Гаотона остолбенел. Арбитр смотрел на неё, словно пытался заглянуть в самую душу Шай. Зачем так пристально смотреть, в течение этого диалога она уже и так полностью раскрылась.

— Мастер его уровня очень сложно подделать, — продолжила Шай, — особенно не имея оригинала, с которого снимаешь копию. Если ты внимательно подумаешь, то поймешь, что я никогда бы не создала такие подделки без его помощи. Он объяснил мне свои приемы и технику, рассказал о процессе её написания. Обучил манере нанесения мазков кистью.

— Почему ты просто не вернула ему оригинал? — спросил Гаотона.

— Он умирает, — ответила Шай. — Для него нет смысла хранить её у себя. Эта работа была написана для любимой. Раз возлюбленной уже нет в живых, то он решил, что и картины не должно быть на этом свете.

— Бесценное сокровище, — произнес Гаотона, — утрачено из-за глупой гордости.

— Это была его работа!

— Уже нет, — возразил Гаотона. — Она принадлежит тем, кто её хоть раз видел. Зря ты согласилась. Никак нельзя оправдать уничтожение картины такого масштаба, — он поколебался. — И всё-таки, я понимаю. Ты поступила по-своему благородно. Твоей целью был Лунный Скипетр. Подвергать себя такому риску, чтобы уничтожить картину, было опасно.

— ШуКсен обучал меня живописи с моих юных лет, — промолвила она. — Я не могла отказать ему в просьбе.

Было видно, что Гаотона не согласен, но создавалось впечатление, что он понимает. Ночи! Шай чувствовала себя беззащитной.

«Это важно, — говорила она себе. — Может быть...»

Но Гаотона так и не вернул её пластины. На самом деле Шай и не ожидала, что он так поступит, не сейчас. Пока их соглашение не будет выполнено, до завершения которого она уже и не надеялась дожить, если конечно не убежит.

Гаотона и Шай испытали последнюю группу печатей. Как и планировалось, каждая из них продержалась по крайней мере минуту. Наконец перед её взором сформировалась целостная картина, идея того, как будет выглядеть уже завершённая версия души. Они закончили с шестой печатью, Гаотона был готов к пробе следующей.

— Вот и всё, — сказала Шай.

— Всё на сегодня?

— Вообще всё, — ответила Шай, убирая последнюю печать.

— Ты закончила? — спросил Гаотона, выпрямившись. — Почти на месяц раньше! Это...

— Я не закончила, — прервала его Шай. — Самое трудное впереди. Мне нужно вырезать несколько сотен штампов в миниатюре, объединить их друг с другом, после чего создать корневую печать. Проведённую работу можно сравнить с подготовкой палитры, смешиванию цветов и определением манеры исполнения. Теперь осталось нанести всё это на холст. Когда я делала нечто подобное в последний раз, у меня ушло почти пять месяцев.

— А у тебя осталось всего двадцать четыре дня.

— А у меня осталось всего двадцать четыре дня, — согласилась Шай, почувствовав укол совести. Ей нужно бежать. И поскорее. Нужно как можно скорее завершить этот проект.

— Тогда не стану тебя отвлекать, — произнёс Гаотона, поднимаясь и расправляя рукав.

День восемьдесят пятый

«Да», — подумала Шай, продвигаясь вдоль своей постели и копошась в стопках бумаг. На столе не хватало места. Поэтому она посильнее натянула покрывала, разложила листы по стопкам и взгромоздила их на кровать. *« Да, его первая любовь была из рассказов. Вот почему... рыжие волосы Куришины... но это уже на уровне подсознания. Не отдавая себе в этом отчета. Сидело очень глубоко».*

Как она пропустила такое? Шай всё ещё не так близка к завершению, как ей казалось. И время утекает!

Она добавила новую информацию в печать, над которой работала, в ту, что объединяла склонность Ашравана к романтике и его знания. Здесь и смущение, и стыд, и гордость. Всё, что она сумела нарыть, добавив немного от себя, идя при этом на оправданный риск, ради наполнения души жизнью. Кокетливую встречу с женщиной, чье имя Ашраван не мог вспомнить. Праздные фантазии. Близость с той, которой больше нет.

Это была самая сложная часть воссоздания, потому что являлась очень личной. Конечно, жизнь правителя не являлась секретной, ведь всё практически на виду, но он не всегда был императором.

Приходилось кое-что додумывать, опираясь на имеющиеся факты, в душу нужно было вдохнуть страсть, нельзя оставлять её пустой. Очень личные моменты и очень яркие. Она ощущала себя всё ближе к Ашравану, добавляя эти детали. Не в смысле подглядывания за ним, а будто становясь частью его самого.

Теперь Шай вела две книги. В первой лишь общие пометки, без деталей, из-за чего складывалось впечатление, что она ужасно не успевает. Вторая была настоящей, но выглядела как пачка бесполезных и хаотично собранных записей.

Она действительно отставала, но не настолько, насколько казалось из первой книги. Хотелось бы верить, что эта уловка позволит выкроить ещё несколько дней, прежде чем Фрава нанесёт удар.

Ища нужную ей заметку, Шай перечитала один из списков,

описывающих план побега. Она сомневалась. Во-первых, необходимо разобраться с кровавой печатью на двери, говорилось в зашифрованной записи. Во-вторых, заставить охранников хранить молчание. В-третьих, вернуть знаки сущности. В-четвертых, сбежать из дворца. В-пятых, бежать из города.

Шай в деталях расписала, как осуществить каждый из этих пунктов. О нет, планы побега она не забросила, по крайней мере, не полностью.

Её отчаянные попытки закончить душу занимали большую часть времени. *«Еще неделя, — сказала Шай себе, — если я управлюсь за неделю, то закончу на пять дней раньше крайнего срока. Тогда можно бежать!»*

День девяносто седьмой

— Эй, — произнёс Харли, наклоняясь. — Что это?

Харли был крепким Бойцом, который казался глупее, чем был на самом деле. Подобный визуальный обман помогал ему выигрывать в карты. У него двое детей — девочки не старше пяти лет, но такая мелочь не мешала ему ходить налево с одной из стражниц.

В глубине души Харли хотел стать плотником, пойти по стопам отца. А ещё он пришел бы в ужас, обнаружив, как много Шай о нём знает.

Он подобрал лежащий на полу лист бумаги. Клеймящий только что ушёл. То было утро девяносто седьмого дня заключения, и она решила привести свой план в исполнение. Пора выбираться отсюда.

Печать императора была незакончена. Пока. Одна бессонная ночь работы, и всё будет готово. В любом случае, план требовал подождать ещё ночь.

— Костлявые пальцы, должно быть, уронил его, — произнесла Юил, уходя. Она была другим охранником в утренней смене.

— Что это? — спросила Шай из-за стола.

— Письмо, — буркнул Харли.

Оба охранника затихли, увлечённые чтением. Все Бойцы во дворце были грамотными. Это требовалось от любого имперского государственного служащего, по крайней мере, второго эшелона.

Шай сидела тихо, вся в напряжении, попивая лимонный чай и заставляя себя дышать ровно. Старалась расслабиться, несмотря на то, что это было последним делом, которым она хотела бы заняться. Шай знала содержимое письма наизусть. В конце концов она сама его написала, а затем аккуратно обронила позади Клеймящего, как только он вышел.

«Брат, — говорилось в письме. — Я почти завершил свои дела здесь, и награда, которую я получил, может поспорить с полученной Азалисом за его работу в Южных Провинциях. Пленница, которую я охраняю, едва ли стоит этих усилий, но кто я такой, чтобы рассуждать, за что мне платят такие деньги. Скоро я вернусь. С

гордостью сообщаю, что мое второе задание успешно выполнено. Я определил несколько способных воинов и собрал необходимые образцы — волосы, ногти и несколько личных предметов. Уверен, очень скоро у нас появится собственная стража».

Письмо продолжалось на обеих сторонах листка, чтобы не вызывать подозрений. Шай дополнила его рассказами о дворце, включая вещи, которые ей самой знать не полагалось, но Клеймящий должен быть осведомлен.

Она беспокоилась, что письмо слишком откровенное. Сочтут ли охранники его явной подделкой?

— Этот КуНуКам, — прошипела Юил на родном языке. Приблизительно можно было перевести как жополиз. — Этот имперский КуНуКам!

По всей видимости, они сочли письмо правдивым. На солдат действуют прямые слова, а не тонкие намёки.

— Можно взглянуть? — попросила Шай.

Харли передал ей листок.

— Здесь сказано то, что я думаю? — спросил стражник. — Он... собирал наши вещи?

— Не обязательно вещи Бойцов, — ответила Шай, прочитав письмо. — Здесь не говорится...

— Зачем ему волосы? — спросила Юил. — И ногти?

— Да они могут такое понаделать, будь у них что-то с тела, — изрек Харли, снова выругавшись. — Ты же видела, что он делает каждый день на двери с кровью Шай.

— Ну, не думаю, что он на многое способен с волосами и ногтями, — скептически прокомментировала Шай. — Это просто хвастовство. Кровь должна быть свежая, не более одного дня, чтобы сработали его печати. Он просто пытался покрасоваться перед своим братом.

— Всё равно, такое нельзя делать, — сказал Харли.

— Я бы не стала беспокоиться об этом, — произнесла Шай.

Стражники обменялись взглядами. Через несколько минут караул сменился. Харли и Юил ушли, перешептываясь друг с другом,

письмо Харли спрятал в кармане. Они вряд ли серьёзно навредят парню. Пригрозят ему, да.

Все знали, что Клеймящий посещает чайные дома каждый вечер. Ей даже стало его немного жаль. Очевидно, что когда прибывают вести из дома, он всегда приходит вовремя. В такие моменты Клеймящий часто выглядел очень довольным. А когда сообщений не было, приходил пьяный. Сегодня он грустный, значит, новости запаздывают.

А то, что с ним приключится сегодня вечером, счастливей его не сделает. Да, Шай его действительно в чём-то было жалко, но она тут же вспомнила печать на двери и перевязанную руку, которую он сам же и замотал после экзекуции.

Как только стража сменилась, Шай глубоко вздохнула и вновь погрузилась в свою работу.

Вечером.

Сегодня вечером она закончит.

День девяносто восьмой

Шай стояла на коленях среди разбросанных по полу набросков печатей и страниц, исписанных убористым почерком. Наступило утро, солнечный свет лился через окно позади неё, окрасив комнату в красный, синий и фиолетовый.

Единственная печать души, вырезанная из полированного камня, расположилась на металлической пластинке перед ней. Камень души, как порода, особо не отличался от мыльного или другого мелкозернистого камня, но имел красные вкрапления, словно внутри застыли капельки крови.

Шай поморгала уставшими глазами. Она и правда собирается бежать? За прошедшие три дня она спала... сколько? Часа четыре?

Побег может подождать. Необходимо отдохнуть, хотя бы сегодня.

«Отдохнуть, — устало подумала она, — и уже не проснуться».

Шай застыв стояла на коленях. Ей казалось, что эта печать, наверное, самое прекрасное из всего, что она когда-либо видела.

Её предки поклонялись камням, падавшим с неба. Души низвергнутых богов, как они их называли. Мастера ремесленники, обрабатывая, придавали им форму. Однажды Шай решила для себя, что это глупо. Зачем поклоняться тому, что сам же и создал?

И сейчас, стоя на коленях перед своим творением, переполненная чувствами, вложив саму себя в этот штамп, она поняла почему. Суметь за три месяца выполнить то, что обычно занимает годы, и завершить печать в последнюю ночь неистовой, отчаянной работы... В течение этой ночи она внесла изменения в свои записи, в саму душу. Кардинальные изменения. Шай не до конца понимала, были они вызваны каким-то фантастическим видением финального результата... или эти изменения всего-навсего ошибочные идеи — плод усталости и заблуждения. Станет понятно только тогда, когда печатью наконец воспользуются.

— Это... оно готово? — спросил один из охранников. Двое из них переместились в дальнюю часть комнаты, чтобы быть поближе к теплу и освободить ей больше места. Шай уже и не помнила, как

двигала по всей комнате мебель. Какое-то время она копошилась, доставая стопки бумаг из-под кровати, а затем снова лезла под неё за новой порцией записей.

Была ли печать закончена?

Шай кивнула.

— А для чего это? — спросил стражник.

«О, *Ночи!*» — подумала она. Всё верно. Они ведь даже не догадываются. Рядовые стражники покидали комнату каждый раз, на время её разговоров с Гаотоной.

Бедные Бойцы... их отправят на какой-нибудь отдаленный форпост империи, где до конца жизни они будут охранять тоннели, ведущие вниз к далекому полуострову Теоиш или что-то в этом духе. Их забросят в такие места, где про них все забудут, где они никому не смогут разболтать, пускай даже случайно, о событиях во дворце.

— Можешь спросить у Гаотоны, если интересно, — мягко ответила Шай. — Мне запрещено рассказывать.

Воссоздатель благоговейно взяла печать и положила её вместе с пластиной внутрь приготовленной шкатулки. Штамп помещался на маленькую подушечку из красного бархата, а пластинка, выполненная в виде большого тонкого медальона — в специальное углубление под крышкой. Она закрыла ларец и поставила перед собой коробку побольше. Внутри лежали пять печатей, вырезанные и подготовленные для предстоящего побега. Если у неё всё получится. Две из них Шай уже использовала.

Если бы только можно было поспать хоть немного. Пусть даже пару часов...

Нет. Я всё равно не могу лечь в кровать. Но можно уютно устроиться на полу...

Дверь начала открываться. Шай почувствовала внезапно подступающий страх. Клеймящий? Он должен лежать, упившись до беспометства после стычки с Бойцами!

На мгновение она почувствовала странное чувство облегчения. Если Клеймящий придёт, у неё не будет шанса сбежать сегодня. Она сможет поспать. Неужели Харли и Юил не устроили ему взбучку? Шай была уверена, что сумела изучить их правильно... но, несмотря

на свою усталость, она поняла, что сделала поспешные выводы. Дверь открылась, и в комнату вошёл человек, но не Клеймящий.

Это был капитан Зу.

— Вон, — рявкнул он на охранников.

Те подскочили.

— И вообще, — добавил Зу, — на сегодня вы свободны. Я останусь здесь до конца смены.

Оба отсалютовали ему и ушли. Шай почувствовала себя раненым лосем, отбившимся от стада. Дверь со щелчком закрылась, и Зу медленно, неспешно повернулся, чтобы взглянуть на неё.

— Печать ещё не готова, — соврала Шай. — Можете...

— Это и не нужно, — оборвал Зу, широко улыбаясь. — Насколько я помню, грязная воровка, я обещал тебе кое-что три месяца назад. За тобой числится... неоплаченный должок.

В комнате царил полумрак, лампа уже догорала, а утро только-только начало вступать в свои права. Шай отшатнулась от него, быстро пересматривая планы. Дела принимали совсем иной оборот. Она не могла противостоять Зу.

Ее губы продолжали двигаться, не только для отвлечения внимания, но и чтобы разыграть придуманную на лету роль.

— Когда Фрава узнает, что ты приходил сюда, — залепетала Шай, — то будет в ярости.

Зу обнажил меч.

— О, Ночи! — воскликнула Шай, пятясь к кровати. — Да ты что, Зу! Меня сейчас нельзя убивать, печать ещё не готова!

— Твою работу есть кому закончить, — плотоядно ухмыльнулся Зу. — У Фравы имеется другой Воссоздатель. Считаешь себя самой умной? Наверняка придумала отличный план побега на завтра. Но в этот раз мы тебя опередили. Не ожидала такого, правда, лгунья? Я буду рад убить тебя. Очень рад.

Он сделал выпад мечом, лезвие коснулось блузы, рассекая её бок. Шай отскочила, призывая на помощь. Она всё ещё играла роль, но сейчас актерское мастерство было и не нужно. Сердце учащённо билось, паника возрастала с каждой секундой, Шай забежала за

кровать, используя её как препятствие между нападающим и собой.

Зу ухмыльнулся и прыгнул в её сторону, приземлившись на постель.

Кровать тут же оглушительно затрещала. Ночью, когда Шай постоянно залезала под свою койку за бумагами, нанесла на неё печать. Воссоздание делало дерево трухлявым и изъеденным насекомыми... Помимо этого, снизу был разрезан матрас.

Зу едва успел крикнуть, как кровать полностью развалилась и исчезла в дыре, образовавшейся под ней. Разрушение, вызванное потопом, запах плесени, который Шай почувствовала, когда впервые зашла в эту комнату, дало ей необходимую подсказку. Согласно свидетельствам деревянные балки сгнили, и потолок мог обвалиться, если бы протечку не заделали достаточно быстро. Небольшое воссоздание очень правдоподобно сделало так, что пол не выдержал.

Зу провалился в пустую кладовку на нижнем этаже. Тяжело дыша, Шай заглянула в дыру. Он лежал среди обломков кровати. Матрас и подушки смягчили падение. Капитан наверняка останется жив — ловушка предназначалась для обычных охранников, которые ей нравились.

«Не совсем так, как я планировала, — подумала она, — но сработало».

Шай бросилась к столу и принялась собирать вещи. Коробка с печатями, душа императора, лишние камни души и чернила. А также две книги, в мельчайших подробностях описывающие создание печатей — официальная и настоящая.

Первую она бросила в камин, когда проходила мимо. Потом Шай остановилась перед дверью, считая удары сердца.

Она мучилась, глядя на пульсирующую метку Клеймящего. Наконец, после нескольких томительных минут, печать на двери вспыхнула в последний раз и совсем исчезла. Клеймящий не вернулся вовремя, чтобы её обновить.

Свобода.

Шай выскочила в коридор, покидая свой дом, в котором она провела последние три месяца, комнату, теперь отделанную золотом и серебром. Коридор снаружи был так близко, но Шай казалось, что он в другой стране. Одну из трех подготовленных печатей она

приложила к своей застегнутой блузке, изменяя её, дабы походить на дворцовую прислугу, с соответствующими знаками различия, вышитыми на левой стороне груди.

У неё было мало времени. Скоро может появиться Клеймящий, Зу очнется после падения или прибудет следующая смена охранников. Шай хотелось пробежать по коридору и ворваться в конюшни. Но бежать опасно, такое поведение подразумевает одно из двух: либо вину, либо ответственное поручение. И то и другое привлечёт внимание. Вместо этого она двинулась быстрым шагом и приняла вид человека, который знает, что делает, и которого нельзя отвлекать.

Вскоре Шай очутилась в более обустроенной части огромного дворца. Никто не остановил её. На одном из перекрестков, устланных коврами, она остановилась.

Справа, вниз по коридору, располагался вход в покои императора. Казалось, что печать готова была выпрыгнуть из рук. Почему она просто не оставила её в комнате? Арбитры охотились бы за Шай с меньшим усердием, будь у них штамп.

Можно бросить его прямо здесь, в коридоре, увешанном портретами древних правителей и заставленном воссозданными старинными урнами.

Нет. Шай забрала печать не просто так. Она подготовила инструменты для проникновения в покои императора. Всё это время она знала, что будет делать.

Уйти сейчас, значит никогда не узнать, сработал ли штамп. Это как построить дом, но не побывать внутри. Выковать меч, но ни разу им не взмахнуть. Создать произведение искусства и убрать подальше, чтобы никто не увидел.

Шай двинулась по коридору.

Как только никого не оказалось в поле зрения, она перевернула одну из этих ужасных урн и сломала клеймо на дне. Та снова приняла вид невзрачной глиняной версии самой себя.

У неё ушло много времени, чтобы узнать, где и кем были созданы эти урны. Четвертая из заготовленных печатей превратила сосуд в копию золотого ночного горшка. Шай прошагала с ним под мышкой по коридору к покоям императора и кивнула стражникам.

— Я не узнаю тебя, — промолвил один из охранников. Она его тоже не знала, с этим шрамом на лице и твердым взглядом. Как и ожидалось, стражей, назначенных для её собственной охраны, держали отдельно от остальных, чтобы они не могли трепаться о своих обязанностях.

— О-о-о, — смущенно произнесла Шай, — мне очень жаль, благороднейший. Я назначена только с сегодняшнего утра.

Она покраснела, доставая из кармана небольшой лист плотной бумаги, помеченный печатью и подписью Гаотоны, отлично подделанные без использования воссоздания. Очень удобно, ведь он сам позволил ей помочь с охраной императора, обратившись за советом по улучшению.

Шай прошла внутрь без каких-либо дополнительных вопросов. Первые три комнаты императорских покоев были пусты, а за ними запертая дверь. Ей пришлось прибегнуть к воссозданию и поставить на дверь штамп, сделав её трухлявой. Она воспользовалась той же печатью, которую применила к своей кровати. Клеймо долго не продержится, но этого и не надо: достаточно пары секунд, чтобы просто пнуть дверь ногой.

Внутри располагалась императорская спальня. То самое место, куда её привели в день заключения сделки. В комнате не было никого, кроме лежащего на кровати императора. Он бодрствовал, но его взор оставался пустым.

В апартаментах всё было по-прежнему. Тихо. И чересчур пахло чистотой. Слишком пусто, безжизненно, как нетронутый лист бумаги.

Шай подошла к краю кровати. Аршаван не смотрел на неё. Его глаза не двигались. Она положила руку ему на плечо. Красивое лицо, хотя он старше её лет на пятнадцать. По меркам Великих — это не так много, они жили дольше остальных.

Волевое лицо, несмотря на долгое пребывание в постели. Золотые волосы, выступающий подбородок, нос с горбинкой. Великие не были похожи на других, особенно на народ Шай.

— Я знаю твою душу, — тихо промолвила Шай. — Даже лучше, чем ты сам.

Тревогу пока не подняли. Шай ожидала этого в любой момент,

но всё равно опустилась на колени возле кровати.

— Жаль, что я не знала тебя. Не твою душу, а тебя. Я читала о тебе; я видела твоё сердце. Я создала твою душу заново, так хорошо, как только могла. Но это не то же самое, как быть знакомым с кем-то лично, правда?

Не крик ли донёсся снаружи, из дальней части дворца?

— Я не прошу многого, — мягко продолжила Шай. — Просто живи. Просто будь. Я сделала, что могла. Пусть этого будет достаточно.

Глубоко вздохнув, она открыла шкатулку, достала знак сущности, нанесла чернила и закатала рукав его рубашки, обнажая плечо.

Шай немного помедлила и опустила печать. Та коснулась плоти и, как всегда, замерла на мгновение. Кожа и мышцы некоторое время сопротивлялись, но потом штамп погрузился ещё на дюйм.

Шай повернула печать, окончательно её закрепила и вытащила. Ярко-красная метка слабо вспыхнула.

Ашраван моргнул.

Шай поднялась и сделала шаг назад, когда он сел и огляделся. Про себя она считала секунды.

— Мои покои, — пробормотал Ашраван. — Что произошло? На нас напали. Я... я был ранен. О, Мать света. Куршина. Она мертва.

Его лицо затмила маска скорби, но через секунду Ашраван взял себя в руки. Он император. Он был темпераментным, но, за исключением приступов ярости, был в состоянии хорошо скрывать свои чувства. Он повернулся к ней, и его живые глаза, которые вновь видели, обратились на неё.

— Кто ты?

Этот вопрос скрутил узел у неё внутри, несмотря на то, что она его ожидала.

— Я своего рода хирург, — ответила Шай. — Вы были тяжело ранены. Я вас исцелила. Однако при этом воспользовалась тем... Что, в вашей культуре, считается немного противным.

— Ты запечатыватель. Ты... Воссоздатель?

— В некотором смысле, — ответила Шай. Он поверит в это, потому что хочет верить. — Это был сложный случай запечатывания. Каждое утро вам придется ставить печать и всегда держать при себе металлическую пластинку, в форме диска... они в шкатулке. Без всего этого, Ашраван, вы умрёте.

— Отдай её мне, — сказал он, протягивая руку к печати.

Она колебалась, хотя сама не знала почему.

— Отдай её мне, — повторил он более властно.

Шай вложила печать ему в руку.

— Никому не говорите, что здесь произошло, — обратилась она к императору. — Ни страже, ни прислуге. Только ваши арбитры знают, что я сделала.

Крики снаружи становились всё громче. Аршаван посмотрел в их сторону.

— Если никому нельзя знать об этом, то тебе лучше уходить. Убегай и никогда не возвращайся, — он перевел взгляд на печать. — Мне следовало бы убить тебя за то, что ты знаешь мой секрет.

Вот и эгоизм, который он приобрел за время своего пребывания во дворце. Да, с этим она угадала.

— Но вы так не поступите, — сказала Шай.

— Нет.

А это уже милосердие, погребённое где-то в глубине его души.

— Уходи, пока я не передумал.

Шай сделала шаг к двери, доставая свои карманные часы — прошла, как минимум, минута. Печать схватилась, хотя бы на некоторое время. Она обернулась и посмотрела на императора.

— Чего ты ждешь? — спросил он.

— Я просто хотела взглянуть, в последний раз, — ответила она.

Аршаван нахмурился. Шум был всё ближе.

— Уходи, — сказал он, — пожалуйста.

Император словно знал, почему поднялся такой гвалт или, по крайней мере, догадывался.

— На этот раз постарайся быть лучше, — промолвила Шай. — Пожалуйста.

С этими словами она убежала.

Какое-то время она боролась с соблазном вложить в Ашравана стремление защитить её. Но для этого не было никаких оснований, по крайней мере, с его точки зрения, а раз так, то и всё воссоздание могло оказаться под угрозой. Кроме того, Шай не верила, что император в состоянии хоть сколько-нибудь помочь. До окончания траура ему не дозволено покидать свою комнату или говорить с кем-то ещё помимо доверенных арбитров. В течение этого времени именно арбитры управляли империей.

На самом деле, они и так ею управляли. Нет, поспешная переработка души Аршавана, чтобы он хотел защитить её, не сработала бы. Возле последней двери Шай подхватила свой поддельный горшок, подняла его и выбежала из двери. А затем громко ахнула, реагируя на доносящиеся крики:

— Это всё из-за меня? — воскликнула Шай. — О, Ночи! Я же не хотела! Я знаю, что не должна его видеть, что к нему нельзя входить, я просто ошиблась дверью!

Охранники пристально посмотрели на неё. Один из них расслабленно проговорил:

— Ты здесь ни при чем. Иди к себе и не высывайся.

Шай кротко поклонилась и поспешила прочь. Большинство стражников её не знают, так что...

Она почувствовала резкую боль в боку и ахнула. Такую же, что приходилось испытывать каждое утро, когда Клеймящий опечатывал дверь.

Шай в панике ощупала свой бок. Разрез на блузке — там, где Зу полоснул её мечом — прошел насквозь через темную нижнюю сорочку. Она осмотрела свои пальцы, на которых были капли крови. Просто царапина, ничего опасного. В суматохе она даже не заметила, что ранена.

Но на мече Зу... осталась кровь. Свежая кровь. Клеймящий быстро оценил обстановку и начал охоту. Боль указывает на то, что он выследил Шай и повёл своих зверушек по следу.

Она отшвырнула горшок в сторону и бросилась бежать. Остаться незаметной больше не было смысла. Если скелеты Клеймящего догонят её, она умрёт. Нужно найти лошадь, а затем скакать, отрываясь от его собак ровно сутки, пока её кровь не потеряет свежесть.

Шай неслась по коридорам. Слуги стали показывать на неё, другие кричали. Она едва не сбила с ног посла-южанина в красных жреческих доспехах.

Шай выругалась, оббегая его. Выходы из дворца уже наверняка заблокированы. Она знала это, так как изучала режим охраны. Выбраться будет почти невозможно.

«Всякий раз имей запасной план», — любил повторять дядя Вон. Он у неё был всегда.

Шай остановилась в коридоре, когда с запозданием поняла, что бежать к выходам бессмысленно. Ею начинала овладевать паника, Клеймящий уже шёл по следу, но нужно взять себя в руки и сосредоточиться.

Запасной план. Он был безрассудным, но это всё, что у неё оставалось. Шай снова побежала, повернула за угол, запутывая погоню, и вернулась к исходной точке своего забега.

«Ночи! Надеюсь, я в нём не ошиблась, — думала она. — Если он ещё больший обманщик, чем я, то мне конец. О, Неведомый, сделай на этот раз так, чтобы я оказалась права».

Сердце колотилось, но усталость не чувствовалась. Она остановилась в коридоре, ведущем к покоям императора.

Шай ждала. Охранники, хмурясь, смотрели на неё, но остались на своих местах в конце коридора, как их и учили. Они окликнули её. Трудно было оставаться на месте. Клеймящий со своими ужасными тварями был всё ближе и ближе...

— Почему ты здесь? — раздался голос позади.

Шай повернулась, когда Гаотона вошёл в коридор. Пока другие охотились за ней, он прежде всего пошел к императору, чтобы убедиться в его безопасности.

Осторожно шагнув в его сторону, она подумала, что, наверное, это её самый худший запасной план.

— Она сработала, — тихо произнесла Шай.

— Ты использовала печать? — Гаотона схватил её за руку, бросив взгляд на стражников, и отвел подальше от чужих ушей. — Из всех необдуманных, безумных, дурацких...

— Она работает, Гаотона, — повторила Шай.

— Зачем ты пошла к нему? Почему не сбежала, когда могла?

— Я должна была проверить. Должна была.

Он посмотрел ей в глаза. Как всегда, заглянув прямо в душу. «О, Ночи, из него вышел бы замечательный Воссоздатель».

— Клеймящий взял твой след, — сказал Гаотона. — Он призвал... этих, чтобы поймать тебя.

— Знаю.

Гаотона сомневался всего мгновение и вынул деревянную шкатулку, спрятанную в одном из его глубоких карманов. Сердце Шай дрогнуло.

Он протянул ей коробочку, но когда она взяла её в руки, не отпустил.

— Ты знала, что я приду сюда, — произнёс Гаотона. — Знала, что я возьму с собой шкатулку и отдам её тебе. Меня обвели вокруг пальца, как последнего дурака.

Шай промолчала.

— Как ты это сделала? — спросил он. — Я внимательно наблюдал за тобой. Я был уверен, что мной не манипулируют. И всё же прибежал сюда, зная, кто меня здесь поджидает. И что тебе понадобится вот это. До настоящего момента я не осознавал, что всё это спланировано.

— Я действительно манипулировала тобой, Гаотона, — призналась она. — Но мне пришлось делать это самым сложным способом.

— Каким?

— Быть искренней, — ответила она.

— Нельзя управлять людьми с помощью искренности.

— Неужели? — спросила Шай. — Разве не так ты сделал

карьеру? Был честным, показывал людям, чего от тебя ожидать, рассчитывая на такую же честность взамен?

— Это не то же самое.

— Действительно. Но это лучшее, что я могла сделать. Всё сказанное мною — правда. Об уничтожении картины, о секретах моей жизни и мечтах. Искренность была единственным способом заручиться твоей поддержкой.

— Я тебя не поддерживаю. — Он помолчал. — Но и смерти твоей я тоже не хочу, девочка. Тем более от тех зверушек. Возьми это. О, Дни! Бери их и беги, пока я не передумал!

— Спасибо, — прошептала она, прижав шкатулку к груди и порывшись в кармане юбки, вытащила небольшую толстую книжку.

— Храни в надежном месте. Никому не показывай.

Он нерешительно взял её.

— Что это?

— Правда, — ответила она, затем потянулась и поцеловала его в щеку. — Если я выберусь отсюда, то изменю свой знак сущности. Тот, что никогда не собиралась использовать... Я добавлю в свои воспоминания доброго дедушку, который спас мне жизнь. Мудрого и заботливого человека, которого я очень уважала.

— Беги, глупая девчонка, — вымолвил Гаотона. У него на глазах наворачивались слёзы. Если бы Шай не находилась на грани паники, она бы этим очень гордилась. И стыдилась бы своей гордости. Такой уж она была.

— Ашраван жив, — сказала Шай. — Когда будешь думать обо мне, помни об этом. У меня получилось. О, Ночи, у меня получилось!

Она умчалась прочь по коридору, оставляя его позади.

Гаотона слушал удаляющиеся шаги девушки, но не обернулся ей

вслед. Он смотрел на двери в покои императора. Двое сбитых с толку охранников и вход... куда?

В будущее Империи Роз.

«Нами будет руководить кто-то не совсем живой, — думал Гаотона. — Порождение наших грязных трудов».

Он сделал глубокий вдох и прошел мимо охранников, распахнув дверь, дабы посмотреть на то, что сотворил.

Просто... пожалуйста, пусть это не будет монстр.

Шай шагала по коридору дворца, держа коробочку с печатями. Она сорвала свою блузку на пуговицах, запихнув её в карман, оставшись в обтягивающей черной хлопковой сорочке, юбке и лосинах. Одежда не так уж и отличалась от того, в чем она обычно тренировалась.

Слуги расступались перед Шай, которая всем своим видом показывала, что лучше убраться с её пути. Вдруг она почувствовала себя увереннее, чем за все эти годы. Наконец-то она обрела свою душу. Всю.

Шай на ходу достала один из знаков сущности, обмакнула в чернила, а коробку спрятала обратно в карман юбки. Поставила печать на бицепс и провернула, переписывая свою историю, воспоминания, жизненный опыт...

Долю секунды она помнила обе версии прошлого. Два года, проведенные взаперти, планируя и создавая этот знак сущности. Всю свою жизнь в качестве Воссоздателя. Так же, как и последние пятнадцать лет среди народа Теуллу. Они приняли её и обучили своим боевым искусствам.

Одновременно две жизни, две истории развития.

Жизнь Воссоздателя отошла на второй план, теперь она — Шайзан, как нарекли её Теуллу. Тело стало стройнее, сильнее. Тело воина. Она сняла очки — теперь в них нет нужды, раз её глаза были давно исцелены.

Попасть к Теуллу оказалось невероятно сложно, они не любили иноземцев. За годы этих тренировок десятки раз её едва не убили, но она преуспела.

Потерять все знания о том, как создавать печати, даже свои наклонности ученого, но быть по-прежнему собой и помнить недавнее прошлое... арест, время в клетке... Логически она понимала, что сделала, поставив печать, и знала, что её жизнь с народом Теуллу просто фальшивка.

Однако это не чувствовалось. Пока штамп действует, она будет другой версией самой себя, которая вполне могла бы существовать в случае реального вступления в общество суровых воинов и проживания среди них более десяти лет.

Шайзан сбросила туфли. Её волосы укоротились; от носа вниз по правой щеке тянулся шрам. Наконец, двигаясь, как воин — рыская и подкрадываясь, она добралась до места, где жили дворцовые слуги, как раз перед конюшнями и Императорской Галереей слева.

Перед ней распахнулась дверь, которую открыл Зу, высокий, с широкими губами. На лбу зияла глубокая рана, через повязку сочилась кровь, вся одежда разорвана от падения.

В его глазах бушевала буря. Увидев её, он усмехнулся.

— Вот и всё. Клеймящий вывел нас прямо на тебя. Я собираюсь насладиться...

Капитан осекся, когда Шайзан молниеносным движением нанесла мощный удар ладонью по запястью, ломая его и вышибая меч. Затем, дернув руку вверх, она треснула по горлу и коротким ударом кулака в грудь сломала шесть ребер.

Зу пошатнулся, хватая ртом воздух, широко раскрыв глаза в абсолютном шоке. Меч с лязгом упал на землю. Шайзан подошла к нему, взяла нож с его же пояса и перерезала застежку на плаще капитана. Зу рухнул, плащ остался в её руке.

Шай, возможно, и сказала бы ему что-то. Но у Шайзан не было желания тратить время на острооты и насмешки. Воин всегда движется вперед, подобно реке. На ходу, не замедляясь ни на секунду, она завернулась в его плащ и вошла в следующий коридор. Зу задыхался... Жить будет, но меч не сможет держать в руках несколько месяцев.

Они возникли на другой стороне коридора: существа с белыми конечностями, слишком худые, чтобы быть живыми. Шайзан встала в широкую боевую стойку, тело слегка повернуто, взгляд направлен на них, колени чуть согнуты. Не важно, сколько у Клеймящего чудовищ-скелетов. И даже не важно, победит она или проиграет.

Главное, это вызов и проверка собственных сил. Остальное не имеет значения.

Их было пятеро, с мужскими, вооружёнными мечами, фигурами. Они направились к ней по коридору, гремя костями, безглазые черепа пусто смотрели в её сторону, рты, будто в улыбке, сверкали редкими зубами. Некоторые кости, видимо, потерянные в сражениях, заменяли какие-то деревяшки. У каждого на лбу светящаяся печать: мертвецы, оживленные кровью.

Даже Шайзан никогда раньше не боролась с такими монстрами. Ножом их бить бессмысленно. Но вот эти деревяшки... некоторые подменяли кое-какие рёбра или кости, которые не нужны были непосредственно в битве. Интересно, если все их переломать, сможет ли скелет функционировать?

Похоже, это её шанс. Больше не раздумывая ни секунды, Шайзан превратилась в дитя инстинктов. Как только твари приблизились, она взяла плащ Зу и кинула его на голову первому монстру. Тот зашатался, пытаясь сбросить, а она уже нападала на второго.

Шайзан отразила удар кинжалом Зу, затем практически прислонясь к нему, ощущая запах костей, протянула руку под самые ребра, схватила позвоночник и резко дернула, вырывая сразу несколько позвонков. Грудная кость порезала её предплечье. Казалось, что их кости специально заострены.

Он рухнул, гремя составными частями. Она оказалась права. Если переломать им основные кости, твари больше не смогут «жить». Шайзан отбросила позвонки в сторону.

Осталось четверо. Из всех её скудных познаний о скелетах

основным было то, что они не утомлялись и были неумолимы. Действовать нужно быстро, иначе твари победят.

Трое напали сзади. Шайзан увернулась, перемещаясь за первого, который, наконец, скинул плащ, и впилась пальцами в его глазницы, однако создание успело ранить её мечом в руку. Она резко рванула череп, срывая его с позвоночника, кровь из её руки брызнула на стену. Тело скелета опало грудой костей наземь.

Продолжай двигаться. Не задерживайся. Промедлишь — умрёшь.

Она развернулась к оставшимся трем, блокируя удары то черепом поверженного скелета, то кинжалом, обошла одного из них со стороны, но тот успел задеть мечом её бок.

Шайзан не чувствовала боли. Её учили не обращать внимания на подобное в бою. Что очень хорошо, иначе ощущения, исходящие от этой раны, были бы мучительны.

Она обрушила череп на голову другого скелета, обе черепушки разлетелись на мелкие кусочки. Он упал, а Шайзан крутанулась между оставшимися двумя. Оба били наотмашь, их мечи лязгали друг о друга, не задевая Шай... Она оттолкнула ударом ноги одного, отчего тот попятился, и всем корпусом налетела на второго, вминая его в стену и раздавливая кости. Потом схватила за остоу и вырвала позвонки.

Скелет упал с грохотом. Шайзан слегка зашаталась, пытаясь удержать равновесие. Слишком много крови потеряно. Она замедлилась. И когда успел пропасть кинжал? Должно быть, выскользнул при ударе того чудовища о стену.

Соберись. Остался один.

Он атаковал её, держа в каждой руке по мечу. Шайзан стремительно поднырнула под него, сближаясь с ним, не давая нанести полноценный удар, и резко схватила за предплечья. Выдернуть их не получалось, не тот угол. Она зарычала, не подпуская к себе мечи. Почти. Наступала слабость.

Существо надавило сильнее, вынудив Шайзан закричать. Кровь хлестала из руки и раненого бока.

Она нанесла удар головой.

В реальной жизни это оказалось не столь эффективным, как в книжках. Зрение помутнело, Шай задыхаясь упала на колени. Скелет рухнул перед ней, пробитый череп покатился куда-то в сторону, не выдержав такой атаки. Кровь текла по её лицу. Она разбила себе лоб и наверняка повредила собственный череп.

Шайзан упала на бок, пытаясь не потерять сознание. Медленно, тьма отступила.

Она лежала среди костей в пустом каменном коридоре. Всё было окрашено её кровью.

Шайзан победила. Еще одно испытание пройдено. Она громко выкрикнула боевой клич своей приёмной семьи, разрезала кинжалом блузку и замотала раны. Крови потеряно слишком много. Несмотря на всю свою выучку, еще одного такого сражения она не переживёт. Сил на это просто не осталось.

Ей удалось подняться и отыскать плащ Зу. Всё ещё обездвиженный болью, капитан наблюдал за ней потрясённым взглядом. Шай взяла все пять черепов и привязала их к плащу.

После этого она продолжила движение вдоль коридора, показывая свою силу, а не усталость, головокружение и боль, которые чувствовала на самом деле.

Он должен быть где-то здесь...

В дальнем конце коридора стоял просторный шкаф. Шай резко открыла дверцу и обнаружила Клеймящего лежащим на полу. Остекленевший взгляд источал ужас, все его прихвостни были стремительно уничтожены, один за другим.

Шайзан схватила его за ворот рубашки и мощным рывком вздёрунула на ноги. От перенапряжения она снова едва не потеряла сознание. Надо быть аккуратнее.

Клеймящий Кровью заскулил.

— Возвращайся лучше в свои болота, — угрожающе произнесла Шайзан. — Пойми, девушке, которая ждет тебя на родине не безразлично, что здесь, в столице, ты зарабатываешь много денег и делаешь всё это для неё. Но ты нужен ей там, дома. Перечитай письма и посмотри, что она пишет.

Шайзан сказала ему это от лица Шай, которая чувствовала бы

себя потом виноватой.

Он смотрел на неё в недоумении.

— Да как ты... Арргх!

Клеймящий не успел договорить, поскольку Шайзан вонзила кинжал ему в ногу. Он рухнул, как только она выпустила его рубашку из рук.

— А это, — мягко сказала Шайзан, наклоняясь, — для того, чтобы получить твою кровь. И даже не думай возобновлять охоту. Видел, что я сделала со скелетами? С тобой я поступлю гораздо хуже. Я забрала черепа, чтобы у тебя не было соблазна вновь пустить их по моему следу. А теперь соберись. И возвращайся. Домой.

Он слабо кивнул. Шайзан так и оставила его на полу, истекающего кровью и трусливо прижимающего руки к порезу на ноге. Вызванные скелеты разогнали всю челядь вместе со стражниками. Шайзан медленно проковыляла к конюшням, остановилась и задумалась. Это ведь совсем не так далеко...

«С такими ранами не стоит никуда соваться. Не будь душой. Но всё-таки, лучше быть душой,»— решила она.

Некоторое время спустя Шайзан вошла в конюшню и обнаружила только пару испуганных конюхов. Она выбрала самого видного скакуна... И так, облаченная в плащ Зу, на его же коне, Шайзан галопом вылетела из ворот, и ни одна живая душа не смела остановить её.

— Неужели всё, что она говорила, было правдой? — спросил Ашраван, рассматривая себя в зеркале.

Гаотона взглянул на него. *«Действительно, правда ли?»*— подумал он про себя. Трудно понять, когда Шай говорила правду, а когда нет...

Ашраван упрямо настаивал на том, что хочет одеться сам, хотя, конечно, было видно, что он очень ослаб после длительного пребывания в постели. Гаотона сидел рядом на табурете, пытаясь разобраться в захлестнувших его чувствах.

— Гаотона? — Ашраван повернулся к нему. — Меня ранили, как она и сказала, так? Но вы предпочли обратиться к Воссоздателю, а не к нашим подготовленным мастерам Запечатывателям.

— Да, Ваше Величество.

«Мимика, жестикация... — думал Гаотона. — И как ей удалось подобрать всё так правильно? Он ведь действительно хмурился, прежде чем что-нибудь спросить. А если ему не отвечали, также слегка откидывал голову. Весь его вид, манеры, поза, движения пальцев, когда он говорит что-то особенно, по его мнению, важное...»

— МайПонский Воссоздатель, значит, — сказал император, накидывая золотистый плащ. — Почему-то мне кажется, что это было излишне.

— К сожалению, наши мастера не способны вылечить такие травмы...

— Я думал, они у нас умеют лечить всё.

— Мы тоже.

Император бросил взгляд на красную печать на руке. Его лицо напряглось.

— Это оковы, Гаотона. Бремя.

— Вы вытерпите это.

Ашраван повернулся к нему.

— Даже несмотря на то, что ваш суверен, можно сказать, был уже мертв, вы так и не научились проявлять чуть больше уважения к моей персоне, Гаотона.

— Я устал за последнее время, Ваше Величество.

— Вы осуждаете меня, — сказал Ашраван, поворачиваясь к зеркалу. — Постоянно. О, пресветлые дни! Когда-нибудь я избавлю себя от вашего присутствия. Ведь всё к этому и идет, вы понимаете? Прежние заслуги — единственная причина, по которой вы еще вхожи

в мой круг.

Это нереально. Всё тот же Ашраван. Воссоздание настолько точное, настолько превосходное, что Гаотона никогда бы и не догадался, что же произошло на самом деле, если бы не знал правды. Как же ему хотелось верить, что душа, настоящая душа императора всё еще там, внутри него, а печать просто... вернула её, раскопав из глубин...

К сожалению, это была бы сладкая ложь. Возможно со временем Гаотона даже поверит в неё. Но, увы, он видел его глаза еще до исцеления и знал, что сделала Шай.

— Я пойду к другим арбитрам, Ваше Величество, — сказал Гаотона, вставая. — Они захотят увидеть вас.

— Очень хорошо. Вы свободны.

Арбитр направился к двери.

— Гаотона.

Он обернулся.

— Я пролежал три месяца, — император разглядывал себя в зеркале, — ко мне никого не допускали. Наши целители ничего не могли сделать. А ведь они могут восстановить любую рану. Но в данном случае был поврежден мой разум. Я правильно рассуждаю, Гаотона?

Он не должен был догадаться. Шай обещала, что не впишет такую возможность в печать.

Но Ашраван умен. Так было всегда. И когда Шай восстанавливала эту его черту, она никак не могла запретить ему думать...

— Да, Ваше Величество, — отозвался Гаотона.

Ашраван хмыкнул.

— Вам повезло, что гамбит удался. Вы могли полностью лишиться меня способности думать, могли продать мою душу. Даже не знаю: то ли мне наказать вас, то ли отблагодарить за подобный риск.

— Уверяю вас, Ваше Величество, — сказал Гаотона, уходя, — за эти месяцы я себя уже достаточно вознаградил и наказал.

С этими словами он вышел, оставив императора наедине с собой и зеркалом, позволяя ему взвесить все последствия принятого решения.

Хорошо это или плохо, у них снова был император.

Или, по крайней мере, его копия.

Эпилог

День сто первый

— И поэтому я надеюсь, — вещал Ашраван перед собравшимися арбитрами восьмидесяти фракций, — что положил конец разрастающимся слухам. Преувеличение моей болезни было, очевидно, вымыслом. Нам ещё предстоит выяснить, кто стоял за нападением, но убийство императрицы не будет проигнорировано. — Он посмотрел на арбитров. — И оно не останется безнаказанным.

Фрава сидела довольная, скрестив руки на груди. Однако досада не покидала её. *«Какие же тайные тропы проложила ты в его душе, маленькая воровка? — думала Фрава. — Мы их обязательно найдем».*

Найен уже разбирал сделанные копии печатей. Воссоздатель уверял Фраву, что сможет расшифровать их ретроспективно, по готовому результату. Да, это потребует времени. Возможно, годы. Неважно. Главное, что в конечном итоге она обретет контроль над Ашраваном.

«Девчонка уничтожила все записи. Умно, ничего не скажешь. Неужели воровка как-то догадалась, что на самом деле копий с её заметок никто не делал». Фрава покачала головой и подошла к Гаотоне; он сидел в их секции зала Театра публичных выступлений. Она под села к нему и мягко прошептала:

— Они верят.

Гаотона кивнул, его взгляд был устремлен на обновленного императора.

— Никто ничего не подозревает. Никому не может даже в голову прийти такая дерзость... То, что мы сделали... Было не просто смелым, это считалось невозможным.

— Может статься так, — проговорила Фрава, — что девчонка приставила нож к нашему горлу. Сам император является доказательством того, что мы сотворили... Нам придется быть очень осторожными в ближайшие годы.

Гаотона рассеяно кивнул. О, пылающие дни, как же Фрава

хотела устранить его с занимаемого поста. Он был единственным среди остальных арбитров, кто мог открыто выступить против неё и её решений. Перед самым покушением Фрава подталкивала Ашравана к этой мысли, и император был уже готов снять Гаотону с должности.

Подобные разговоры Фрава вела с императором приватно. Раз Шай о них ничего не знала, то и новый император тоже. Следовательно, ей придется начать весь процесс заново, по крайней мере, пока она не найдет способ контролировать копию Ашравана через печать. Такие перспективы Фраву не очень радовали.

— Какая-то часть меня до сих пор не верит, что нам это удалось, — тихо сказал Гаотона, когда воссозданный император перешел к следующей части своей речи, призыву к единению.

Фрава фыркнула.

— Мне кажется, наш план был надежен с самого начала.

— Да, но Шай сбежала.

— Найдем.

— Сомневаюсь, — заметил он. — Нам очень повезло, что мы её поймали. Но к счастью, я думаю, нам не грозят проблемы с её стороны.

— Она может попытаться шантажировать нас, — сказала Фрава. — Или, возможно, каким-то образом попытается манипулировать императором.

— Нет, — произнёс Гаотона. — Она и так довольна.

— Тем, что унесла ноги живой?

— Тем, что её собственное творение теперь на престоле. До этого она хотела обмануть тысячи людей, а теперь получила шанс одурачить миллионы... Целую империю. В этом вся красота её замыслов, а разоблачение только разрушит это.

Неужели старый дурак действительно в это верит? Его наивность так часто дарила Фраве многочисленные возможности осуществлять свои личные планы. Только ради такого уже можно позволить ему сохранить положение.

Воссозданный император продолжал речь. Ашравану нравилось

слышать собственный голос. Шай это верно учла.

— Он использует покушение как предлог и призывает нашу фракцию к более тесному сотрудничеству, — продолжил Гаотона. — Слышите? Что в ответ на произошедшее мы должны объединиться, сплотиться, вспомнить о нашей силе... Видите, как он вскользь упомянул о том, что именно «Триумф» распространял слухи о его кончине... этим он подрывает их авторитет. Они ставили на исчезновение императора, а раз Ашраван живет и здоровствует, то его противники, получается, остались в дураках.

— Верно, — согласилась Фрава. — Вы подготовили речь?

— Нет, — ответил Гаотона. — Он наотрез отказался от моей помощи в подготовке. Так мог поступить только молодой Ашраван... лет десять назад.

— Копия не совершенна, — отметила Фрава. — Не стоит этого забывать.

— Да, — подтвердил Гаотона. У него в руках была какая-то небольшая толстая книжка, которую Фрава всё никак не могла опознать.

Из задней части ложи донесся шорох — вошла служанка со знаком Фравы. Пройдя мимо арбитров Стивиента и Юشناка, юная посланница подошла к ней и поклонилась.

Фрава недовольно посмотрела на девушку.

— Что может быть настолько важным, дабы ты вторглась прямо сюда!

— Простите, ваша милость, — прошептала она. — Но вы просили меня подготовить ваши комнаты под встречи во второй половине дня.

— Ну и что? — спросила Фрава.

— Заходила ли моя леди вчера в свои покои?

— Нет. Из-за этого жулика Клеймящего, императорских поручений, а потом... — Фрава нахмурилась. — А что там?

Шай обернулась посмотреть на императорский Дворцовый комплекс. Город располагался на семи больших холмах. На центральном холме возвышался дворец императора, на остальных шести находились дома фракций.

Лошадь, позаимствованная во дворце, выглядела теперь совершенно иначе: не хватало некоторых зубов, сгорбленная спина и устало опущенная голова. Попону, казалось, не чистили годами, а у самого животного от голода торчали ребра, словно рейки спинки стула.

Все предыдущие дни Шай провела скрываясь в подземельях Дворцового комплекса благодаря печати, трансформирующей её в нищенку и попрошайку.

Под такой личиной покинуть столицу особого труда не составило. Лишь единожды она сняла метку. Постоянно жить с образом мыслей грязной попрошайки было несколько... некомфортно.

Шай слегка ослабила крепления седла и чуть приподняла его. Под ним, на спине животного она подцепила ноготком слабо светящуюся печать, и, приложив небольшое усилие, выдернула словно пробку.

Трансформация прошла мгновенно: спина у лошади выпрямилась, голова гордо поднялась, а бока налились мускулами. Животное неуверенно загарцевало и поводило головой из стороны в сторону, натягивая поводья. У Зу был отличный скакун, он стоил, наверное, больше, чем какая-нибудь небольшая хижина в отдельных районах империи.

Среди своих тюков с вещами Шай спрятала картину, повторно выкраденную из покоев Фравы. Подделку. Воровать собственную фальшивку ей еще не приходилось. Это было так... забавно и необычно. В комнате Фравы Шай вырезала полотно, оставив раму на месте, а в самом центре стены нарисовала символ эйона Рео [\[3\]](#),

значение которого было очень даже неприятным.

Шай слегка похлопала лошадь по шее. В конце концов, не так уж плохо она поживилась. Ей достался отличный конь и замечательная картина, пусть и подделка, но настолько искусная, что сама владелица принимала её за оригинал.

«А ведь он как раз сейчас произносит речь, — подумала Шай. — Хотелось бы его услышать».

Её жемчужина, венец творения, был облачен в мантию императора и наделён высшей властью. От такой мысли тогда, во дворце, сердце её билось быстрее, и она отчаянно жаждала закончить начатое. Но под конец движущей пружиной всепоглощающей работы стало не столько стремление вернуть императора обратно к нормальной жизни, сколько сделать кое-что иное: навсегда внести определенные черты в императорскую душу, запечатав их в нем навсегда. Наверное, так на неё повлияла искренность в общении с Гаотоной.

«Если постоянно рисовать один и тот же рисунок на верхней странице большой стопки бумаг, помногу раз повторяя его контуры, — рассуждала Шай, — то изображение пропечатается и на нижней странице, глубоко выдавленное».

Шай обернулась обратно к тропе и вынула знак сущности, который сделает из неё следопыта и охотника. Фрава наверняка думает, что беглянка воспользуется дорогами, поэтому лучше затаиться где-нибудь в чащобах. Она свернула с пути, вглубь Согдийского леса, где её точно никто не найдет. Через несколько месяцев она выберется из этой провинции и устремится к выполнению новой цели: выследить императорского шута, который её предал.

Сейчас Шай просто хотелось быть как можно дальше от дворцовых стен, со всеми их интригами и лицемерием. Она запрыгнула в седло и мысленно попрощалась с дворцом и с тем, кто в нём правил...

«Хорошей жизни тебе, Ашраван, — подумала она. — И сделай так, чтобы я тобой гордилась».

Поздно вечером, после разговора с императором, Гаотона сидел у очага в своём личном кабинете, рассматривая книгу, что оставила ему Шай.

Восхитительно!

Здесь было полное описание печати души императора, в деталях, с пометками. Всё, что делала Шай, без исключения, лежало перед ним как на ладони.

Нет, Фрава не сможет найти заветный ключик к душе императора, как бы ей этого не хотелось. Просто потому, что такого ключика не существовало. Душа Ашравана была цельной, завершённой и принадлежала только ему одному. Это, конечно, не означает, будто император такой как прежде.

«Можно заметить, что я позволила себе некоторые вольности, — говорилось в книге. — Во-первых, мне нужно было как можно точнее воссоздать копию его души. В этом и состояла суть задания, а также основная его сложность. С этим я справилась. Но затем я решила не останавливаться на достигнутом и пошла дальше, усиливая одни воспоминания Ашравана и ослабляя другие. Теперь глубоко внутри него встроены пусковые механизмы, которые вызовут определенную реакцию на покушение и последующее излечение. Подчеркну, что это не меняет его душу и не делает другим человеком. Просто подталкивает в определенном направлении подобно тому, как мелкий уличный шулер слегка «подталкивает» свою удачу, пометив ногтем игральную карту затем, чтобы потом её вытащить. Это всё тот же Ашраван. Тот, которым он когда-то мог стать...»

Сам Гаотона никогда бы не разглядел подобных изменений в императоре. Он не умел также хорошо разбираться в характерах. Но даже будь он знатоком человеческих душ, всё равно бы не обнаружил поправок Шай.

В своих записях она так и отметила, что хотела сделать всё как

можно тоньше, дабы никто не смог разглядеть тех мельчайших изменений, внесённых в его душу. Даже чтобы просто заподозрить неладное, нужно знать императора очень и очень близко.

Теперь же, когда у него были записи Шай, Гаотона всё это видел и понимал. Пребывание при смерти определенным образом подтолкнуло Ашравана пересмотреть взгляды на жизнь. Он снова начнет перечитывать дневник и записи своей молодости. Он наконец увидит, каким был, что им тогда двигало, и постарается встать на путь, с которого однажды свернул.

Шай отметила, что такое преобразование займет очень много времени, целые годы. И Ашраван однажды станет тем, кем судьба и предназначала ему быть.

Крошечные наклонности, скрытые глубоко внутри созданных Шай печатей, взаимодействующих друг с другом, подтолкнут его к совершенствованию вместо потакания своим желаниям. Он начнет думать о наследии, а не о следующем празднике. Помнить о народе, а не об ужине. Наконец, настоит на своих проектах по реформированию фракций, ведь столь многие до него отмечали необходимость перемен. В общем, он станет бойцом. Он всё-таки совершит этот единственный, но такой невыносимо сложный шаг, когда мечтатель от своих грез переходит к свершению реальных дел. И всё это было перед Гаотонией, в записях Шай...

Он обнаружил, что плачет.

О нет, не о счастливом будущем и не об императоре. Это слезы человека, перед которым предстал шедевр. Истинное искусство, гораздо большее, чем красота и безупречное исполнение. Это не просто имитация.

Дерзость, смелый контраст и удивительная тонкость. Гаотона держал в руках реликвию, мощь которой может поспорить с самыми выдающимися произведениями живописцев, скульпторов и поэтов всех эпох. Это величайшая работа, лучшее из того, что он когда-либо видел.

Почти всю ночь Гаотона благоговейно изучал книгу. Это был плод неистового труда, созданный под давлением суровых обстоятельств. Он как дыхание, задержанное до последнего. Сырой, но отшлифованный. Бесшабашный, но просчитанный. Потрясающий, и всё же скрытый...

Так пусть тайным и остается. Попадись кому в руки книга — императору конец. Пошатнутся столпы самой империи. Ни одна живая душа не должна знать, что стремление Ашравана стать наконец истинным правителем было вложено в его душу ведьмой и еретичкой.

С рассветом вымотанный и уставший Гаотона тяжело поднялся и медленно, мучительно подошёл к камину. Вытянул руки, крепко держа в стиснутых пальцах неповторимое произведение искусства ...

... И бросил в пламя.

Постскриптум

На уроках писательского мастерства мне часто говорили: «Пишите о том, что вы знаете». Авторам часто доводится слышать такой тезис, и он меня очень смущает. Как мне написать о том, что я знаю? Ведь я — писатель-фантаст. Я, например, не знаю как творить волшебство, и если уж на то пошло, мне неизвестно каково это — быть женщиной. А когда я пишу историю, хотелось бы излагать её с разных ракурсов.

С ростом моего мастерства эта фраза для меня стала более понятной. Да, мы пишем фантастику, но рассказы наши более правдивы, когда имеются твердые параллели с нашим реальным миром. Волшебство, по моему мнению, более правдоподобно работает, когда основано на каких-то реальных научных принципах. Построение фэнтези-вселенной выглядит правдоподобнее, когда оно находит реальные источники в нашем мире. Герои произведений в этом жанре смотрятся гораздо живее, когда характеры их основаны на реальных человеческих чувствах и эмоциях.

Писательское мастерство значит не только умение наблюдать, но и хорошо воображать.

Я стараюсь черпать вдохновение из новых жизненных впечатлений. В этом плане мне крупно повезло, у меня есть возможность часто путешествовать. Пребывая в какой-то новой для себя стране, я стараюсь сделать так, чтобы её культура, народ и обычаи сплелись в единую историю.

Недавно я был в Тайване, и мне посчастливилось посетить Национальный Дворец-Музей вместе с моим редактором Шерри Ван и переводчицей Люси Туань, она же была нашим гидом. Конечно невозможно за пару часов познакомиться с тысячелетней китайской историей, но мы постарались изучить как можно больше. Хорошо, что я уже имел кое-какие базовые знания по истории и традициям азиатских стран. (Два года жил в Корее как миссионер LDS ^[4], а в институте немного изучал корейский язык.)

Тогда-то в музее и появились мои первые задумки по будущему сюжету. Что запомнилось мне больше всего — печати. Мы иногда называем их «отбивными» на английском языке, но я всегда называл

их по-корейски «тожанг». На Мандаринском диалекте их называют «юнджиан». Во многих азиатских культурах такие искусно вырезанные печати использовались в качестве личной подписи.

В музее я обратил внимание на большое количество знакомых мне таких красных печатей. Какие-то из них, конечно, принадлежали художникам... но были и другие, на которых имелась определенная каллиграфия. Люси и Шерри объяснили мне, что иногда древние китайские аристократы или знаменитые ученые могли, если какая-нибудь работа им понравилась, нанести на неё свою печать. Был в Китае один император, он особенно любил ставить печати на разных скульптурах и нефритовых поделках, иногда даже вписывал на них вирши собственного сочинения.

Какой же необычный образ мыслей! Только представьте, что вы царь, и вот, вам понравился «Давид» работы Микеланджело, и вы просто берете и наносите свою печать ему поперек груди. Практически так и происходило в Китае.

Сама эта идея так захватила мои мысли, что я постоянно «проигрывал» в своем уме сочетание печати и магии. Печати души, меняющие сущность разных предметов... При этом мне не хотелось слишком сильно заимствовать идеи «Преобразования» из цикла «Сокровищница Штормсвета», потому на написание истории и проработку системы магии печатей я вдохновлялся музеем.

Оттуда и берет начало моя повесть. Раз уж так получилось, что система магии очень сильно походила на ту, что я в свое время разрабатывал для Сел (это мир, в котором происходит действие в Элантрисе), то и сюжет данной повести разворачивается в этом же мире (в основе некоторых народов мира Сел лежат культуры реальных стран Азии, поэтому моя задумка подошла очень удачно).

Не всегда возможно писать то, что знаешь или о чём не совсем знаешь. Но можно, однако, писать о том, что ты видишь лично.

Брендон Сандерсон.

Благодарности

Книга выходит с одним именем на обложке, но произведение не возникает из пустоты. То, что я создаю, может существовать только потому, что есть многочисленные плечи, на которые я могу положиться.

Я уже говорил в постскриптуме, что эта книга вышла из-за поездки на Тайвань. Большое спасибо Люси Туань и Шерри Ван, для которых книга предназначена, они показывали мне город. Также я хотел бы поблагодарить Ивонну Хсу и всех остальных в Фонде Фэнтези за такой мощный опыт в путешествии. Большое спасибо Грей Тэну (мой тайваньский агент), который облегчил поездку и моему американскому агенту Джошуа Билмесу, и всем остальным в JABberwocky.

Работать с Джейкобом Вейсменом и Джилл Робертс в Тахионе было одно удовольствие и я благодарен им за то, что они напечатали данную книгу. Кроме того, спасибо Марти Хэлперну за редактирование и корректуру. Великолепная иллюстрация обложки была сделана Александром Наничковым, лучшего и желать было нельзя. Айзек Стюарт использовал эту иллюстрацию для дизайна обложки ebook, а также сделал великолепные изображения печатей. Спасибо!

Выражаю свою признательность Мэри Робинетт Коваль, ответственной за текущую структуру новеллы; она помогла понять, что моя оригинальная вводная часть не была хороша для целостности работы. Моше Федер пошёл выше и вне его должностной инструкции предложил фантастическую линию правки, без которой эта книга была бы намного беднее. Я также получил важные отклики от Брайана Хилла, Айзека Стюарта и Карэн Ахлстром.

Как всегда, я от всего сердца благодарю свою семью, особенно жену Эмили. Кроме того, особая благодарность Питеру Ахлstromу, который много работал над этим проектом. (Даже в том, чтобы подтолкнуть меня всё-таки подготовить написанную страницу после того, как я забывал это сделать примерно дюжину раз.)

Моя глубочайшая благодарность всем вам.

Брендон

Узнать о Брендоне Сандерсоне и его творчестве, отблагодарить переводчиков и редакторов данной повести, поспособствовать появлению на русском языке других произведений, официальный выход которых в России под большим вопросом, можно на сайте Booktran.ru— иностранная фантастика и фэнтези на русском языке. Анонсы, новинки, переводы. Мы Вас очень ждем!

Присоединяйтесь к нашему сообществу в «Вконтакте». Всё творчество Брендона Сандерсона — новости, обзоры, переводы, обсуждения. Добро пожаловать — vk.com/b.sanderson!

Другие переводы Booktran.ru

Брендон Сандерсон — Легион; Надежда Элантриса; Расн [Обреченное королевство]; Джеймс Кори — Мясник станции Андерсон, Двигатель; Крис Вудинг — Бледный; Джордж Мартин — Ночь в Доме у Озера и многие другое.

Пожалуйста, поддержите нашу работу! Если Вы будете активно участвовать в жизни проекта или сумма Вашего единоразового пожертвования будет больше или равна 100 рублям, то Вы будете первыми получать от нас завершённые переводы. Мы будем высылать их заранее, до появления на сайте. Мы ждем именно Вас! Заранее спасибо!

notes

Примечания

1

2 пяди = 35,56 см (здесь и далее прим. переводчика)

2

1 дюйм = 2,54 см

Эйон Рео — наказание, возмездие. (Эйоны — магические символы, используемые в романе «Город Богов»)

LDS — The Church of Jesus Christ of Latter-day Saints —
мормонская церковь Иисуса Христа Святых Последних дней